www.kitabxana.net
Milli Virtual-Elektron Kitabxana

Мир Джалал Пашаев

«Манифест молодого человека»

Роман. I часть

www.kitabxana.net
Milli Virtual-Elektron Kitabxana
Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyinin rəqəmsal nəşrlər seriyası

Национальная виртуальная-электронная библиотека
Серия цифровых публикаций Общественная Организация Новых Писателей и Деятелей Искусства

Мир Джалал Пашаев

«Манифест молодого человека»

Роман. I часть. На русском языке

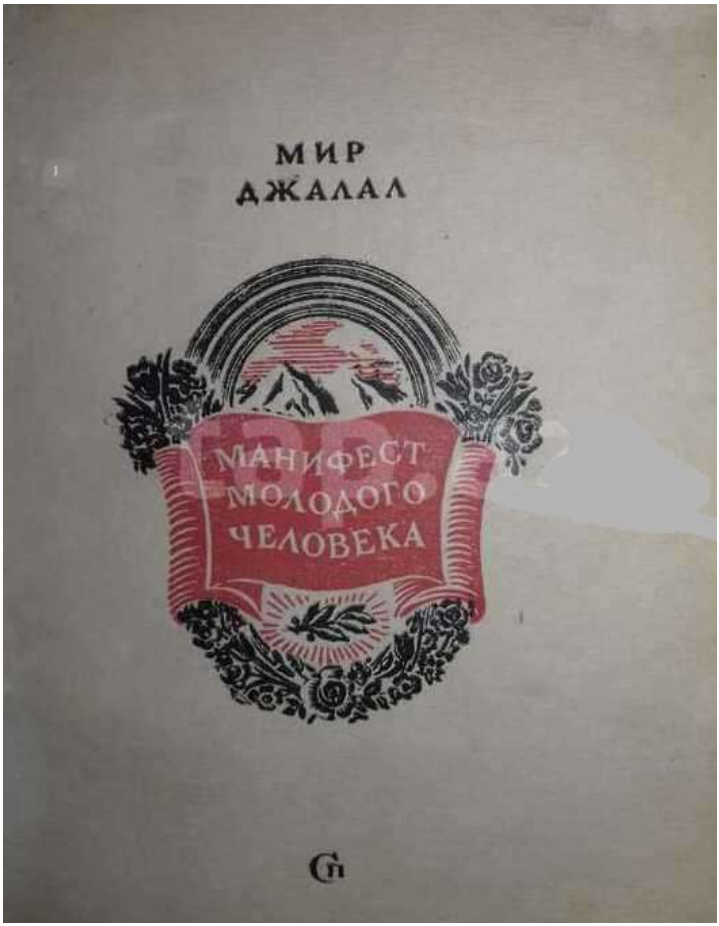
Перевел с азербайджанского: Азиз Шариф

Mir Cəlal Paşayev

“Bir gəncin manifesti”

Roman, rus dilində. I hissə
Rus dilinə tərcümə edəni: Əziz Şərif

БАКУ - 2020
YYSİB – kitabxana.net - Bakı-2020
www.kitabxana.net və YYSİB-nin müştərək nəşri


МИР
ДЖАЛАЛ
МАНИФЕСТ
МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА

Tərtibçi və redaktor, layihə rəhbəri:
Aydın Xan Əbilov,
Prezident təqaüdçüsü, yazıçı-kulturoloq, YYSİB sədri

Bu elektron nəşr Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondunun maliyyə yardımı ilə Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi tərəfindən həyata keçirilən "Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" adlı layihə çərçivəsində hazırlanmışdır.

Составитель и редактор, руководитель проекта:
Айдын Хан Абилов,
Стипендиат Президента, писатель-культуролог,
председатель ООНПДИ

Данное электронное издание подготовлено в рамках проекта «Книга, которая объединяет нас новаторски и творчески: «Манифест молодежи» Мир Джалала Пашаева», реализуемого Общественная Организация Новых Писателей и Деятелей Искусства при финансовой поддержке Молодежного фонда Азербайджанской Республики.

© Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi, 2020

Романы Мир Джалала Пашаева «Воскресший человек», «Манифест молодого человека», «Открытая книга», «Сверстники», «Новый город», «Куда держим путь?». В каждом из них писатель прослеживает судьбу нескольких героев, раскрывает их индивидуальную психологию, убедительными, запоминающимися штрихами рисует внутренний психологический мир.

Мир Джалал Пашаев

Мир Джалал Пашаев — азербайджанский писатель, учёный-литературовед, доктор филологических наук (1947), профессор (1948), заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР (1969).

Родился в 1908 году вблизи Эндебиля. Позднее семья Мир Джалала переехала в Гянджу. Здесь он получает первое образование. В 1923 году он поступил в Педагогический техникум в Гяндже, который окончил в 1928 году. Некоторое время преподавал в Гяндже и Кедабеке. В 1930 году Мир Джалал поступил в Казанский Государственный Педагогический Институт. По возвращению в Баку, он поступает в аспирантуру Азербайджанского Государственного Научно-Исследовательского Института. С 1933 года до конца жизни Мир Джалал Пашаев занимается преподавательской деятельностью, как профессор, заведующий кафедрой истории азербайджанской литературы Азербайджанского Государственного Университета.

Мир Джалал Пашаев награждён Орденами Орден «Знак Почёта», «Октябрьской революции» и различными медалями. В 1940 году им была защи-

щена кандидатская диссертация на тему «Поэтические особенности поэзии Физули».

В 1947 году Пашаев защищает докторскую диссертацию на тему «Литературные школы Азербайджана».

Скончался Мир Джалал Пашаев 28 сентября 1978 года в Баку. Одна из улиц города Баку названа в честь писателя Мир Джалала Пашаева.

Творчество

В современной азербайджанской литературе Мир Джалалу Пашаеву принадлежит почетное место автора сатирико-юмористических произведений, романов, и как ученого-критика. М. Пашаев является автором около 50-ти художественных, научных и публицистических произведений, более 500 статей-рецензий, и других научно-теоретических трудов и учебников.

Его рассказам «Воришка огорода», «Доктор Джинаятов», «Использование», «Сваты вернулись», «После плова», «Анкет Анкетов», «Заграничная болезнь», «Мирза Шафи», «Биография Мохлетова», «Банкет друга» и другим свойственен неповторимый сатирический стиль. В них отображена борьба ново-

го со старым, человеческие чувства, патриотизм, уважение и любовь к родителям. Интересны комические ситуации, порой сознательно воспроизведенные в рассказах, на первый взгляд кажущиеся даже убедительными.

Романы Мир Джалала Пашаева «Воскресший человек», «Манифест молодого человека», «Открытая книга», «Сверстники», «Новый город», «Куда держим путь?». В каждом из них писатель прослеживает судьбу нескольких героев, раскрывает их индивидуальную психологию, убедительными, запоминающимися штрихами рисует внутренний психологический мир.

Десятки статей и очерков, созданных Мир Джалалом Пашаевым такие, как «На путях перестройки» и «Манифест новой поэзии» о С.Вургуне, о романе М. С. Ордубади «Табриз туманный», «Роман больших проблем», статьи о М. Джалиле, А. Ахвердове, С. Рустаме, Э. Мамедханлы, А. Джамиле явились новым словом в азербайджанском литературоведении.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗДАНИЙ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА МИР ДЖАЛАЛА

Одним из писателей азербайджанской литературы XX века отличающихся своим новаторством в литературе, присущей ему оригинальностью, своей позицией в деятельности является Мир Джалал Пашаев. Мир Джалал Пашаев до конца своих дней служил как литературовед, писатель, ученый, критик, педагог. Мир Джалал автор статей, переводов, очерков, стихов, новел, фельетонов интересующийся литературно-культурными событиями и общественно-политической жизнью. Мы становимся свидетелями того, что, написав в начале XXвека 6 романов Мир Джалал стал основоположником жанра-роман и одним из хранителей этого жанра. В этой статье мы даем хронологическую последовательность вариантов издания 5 романов писателя (кроме романа «Манифест молодого человека») со времен начала его творческого пути до наших дней. Роман «Воскресший человек», состоящий из 204 страниц был опубликован в 1935г. издательством «Азернешр». Редактор книги серого цвета размером

www.kitabxana.net və YYSİB-nin müştərək nəşri

11х4 см не был отмечен. Художником книги с толстым переплетом является Амир Гаджизаде. Для книги с заказом в 741 штуку выход в свет первого издания тиражом в 5000 экземпляров было большим числом. В книге использовались латинские и русские буквы. На первой странице книги,которая была в виде маленькой брошюры,была дана фотография писателя.!» [1] Роман «Сверстники» состоящий из 142 страниц был опубликован в 1948г.в Баку издательством «Азернешр». Несмотря на то,что книга вышедшая под редакцией Н.Эфендиева была иллюстрирована, имя художника не было отмечено. Книга светло-бордового цвета была написана кириллицей. Полиграфический размер книги с толстой картонной обложкой был 15х21,5см. Книга с заказом в 77 штук была издана тиражом в 15000 экземпляров. В конце книги в дополнение были изданы мысли автора под названием «Наша дорога» (только в этом издании). [2] Роман «Новый город» был опубликован под редакцией Ю.Азимзаде в 1951 г. издательством «Азернешр». Художниками книги в 259 страниц были: А. Гаджиев, Ш.Шарифзаде, Н.Исмаилов. Полиграфический размер книги коричневого цвета с толстой картонной обложкой был 13х20см. Книга заказом в 890 штук

была издана тиражом в 10000 экземпляров. [3] Второе издание романа «Сверстники» под редакцией Ю.Азимзаде было опубликовано в 1955г. в Баку издательством «Ушаггенджнешр». Художником книги в 220 страниц является М.Гасымов. Полиграфический размер книги коричневого цвета с толстой картонной обложкой 13,5х 20см. Книга с заказом в 211 штук была издана тиражом в 10000 экземпляров и написана кириллицей. Семь лет спустя тираж в 10 000 считается высоким показателем. [4]Первый том двухтомника Мир Джалала “Избранные произведения” в 500 страниц был опубликован в 1956 г. в Баку Азербайджанской государственной типографией. Полиграфический размер книги синего цвета с толстой картонной обложкой был 13х20 см. Заказ книги, вышедшей под редакцией Н.Нагиева был 63 штуки,а тираж 10000 экземпляров. Художником обложки является М.Гулиев. Книга была написана кириллицей. Это издание было вторым изданием романа «Оживший человек». В книге кроме романа «Оживший человек» были напечатаны 40 рассказы и биографические данные об авторе. [5] Второй том двухтомника «Избранные произведения» в 530 страниц был опубликован в Баку Азербайджанской государственной типографией. Размер

книги вышедшей под редакцией Н.Нагиева 13х20см, заказ 47 штук, тираж 10000. Книга с толстой картонной обложкой была написана кириллицей. Художником обложки книги является М.Гулиев. В книге опубликованы роман «Открытая книга»и 40 рассказы. [6] В 1957г в Баку издательством «Ушаггенджнешр» был опубликован роман «Куда держим путь». Серая книга с толстой картонной обложкой вышедшая под редакцией Гюльгусейна Гусейноглу была напечатана кирилицей. Полиграфический размер книги 13,5х29см, заказ 412 штук, тираж 10000 экземпляров. Художник книги Х.Кязымов. Роман объемом в 243 страницы это первый вариант издания. [7] Роман «Сверстники» состоящий из 451 страницы был опубликован в 1964 г. в Баку изданием «Азернешр» под редакцией Г.Гасанзаде (в книгу был включен роман «Манифест молодого человека»). Книга в толстой картонной обложке 13х20см, с заказом в 95 штук, тиражом в 10 000 экземпляров, не была иллюстрирована. В книге в одну страницу дана информация о романах. [8] В 1967 г. в Баку издательством «Азернешр» был опубликован первый том четырехтомника Мир Джалала «Избранные произведения» под названием «Роман и рассказы», со-

стоящий из 519 страниц. Редактором книги светло-желтого цвета с толстой картонной обложкой является Мамедов. Размер книги 13х20см, заказ 302 штуки, тираж 10000 экземпляров. Художник книги Х.Зейналов. В книгу входит роман «Воскресший человек» (третье издание) и 43 рассказы.[9] В 1967г. во второй том четырехтомника «Избранные произведения» вошел роман «Открытая книга». Второй том был издан в Баку издательством «Генджлик». Редактором книги, состоящей из 499 страниц, является Мамедов, а художником Х.Зейналов. Полиграфический размер книги в толстой картонной обложке14х20 см. Заказ книги светло-молочного цвета 644 штуки, а тираж 10 000 экземпляров. На первой странице книги дана фотография Мир Джалала Пашаева. В книгу входят роман «Манифест молодого человека», «Открытая книга» (второе издание романа) и 9 рассказ. [10] В 1968г. в Баку издательством «Генджлик» был опубликован третий том четырехтомника «Избранные произведения» под названием «Роман и рассказы», состоящий из 525 страниц. Полиграфический размер светло-желтой книги в толстой картонной обложке 13х20 см, заказ книги 415 штук, тираж 10000 экземпляров. Художником книги, напе-

чатанной кириллицей, является Х.Зейналов, а редактором Г.Гаджизаде. В книгу входит роман «Сверстники» и 43 рассказы. [11] В 1968 г. в Баку под издательством «Генджлик» был опубликован четвертый том четырехтомника Мир Джалала «Избранные произведения» под названием «Роман и рассказы». Редактор Г.Гасанзаде, а художник Х.Зейналов.Размер книги светло-желтого цвета 14х20см. Заказ 7 штук, а тираж 10000 экземпляров. В книгу входит роман «Куда держим путь» и рассказы. В конце книги была издана статья покойного Бакир Набиева «Продолжение слова». В статье собраны мысли академика о четырехтомнике Мир Джалала Пашаева «Избранные произведения». Эта статья опубликована в связи с 60-летием писателя. [12]В 1978г. в Баку издательством «Язычи» был опубликован роман «Воскресший человек» («Роман и рассказы»). Полиграфический размер книги синего цвета 15х21см. Художником книги, вышедшей под редакцией С.Гусейновой, является Н.Рагимов. Заказ книги в 414 страниц 218 штук, тираж 20000 экземпляров. В книгу наряду с романом «Воскресший человек» входят 27 повестей из «Жизненных повестей»и 13 повестей из «Повести прошедших дней». [13] В 1984г. в Баку издательством

«Азернешр» был издан роман «Сверстники», состоящий из 374 страниц. Составителем книги является Айтекин Гасанова, а редактором У.Курчайлы. Изображение художником К.Искендеровым на обложке книги образов придало ей особую яркость. Размер книги светло-бардового цвета с тонкой обложкой 13,5х20 см. Тираж книги с заказом в 4629 штук, 40000 экземпляров. Наряду с романом «Сверстники» в книгу входят 5 рассказ. Написана книга кириллицей. [14] В 1986 г. в Баку издательством «Азернешр» был опубликован первый том двухтомника «Избранные рассказы» под названием «Роман и рассказы», состоящий из 464 страниц.Составителем книги и автором предисловия под названием «Его мир слова» является Ягуб Исмаилов. Полиграфический размер книги, вышедшей под редакцией А.Гусейнова 14х21см. Художник книги темно-коричневого цвета с толстой картонной обложкой – Т.Агабабаев. Заказ книги 1281 штука, тираж 30000 экземпляров. В книгу входят романы «Воскресший человек», «Манифест молодого человека» и 18 рассказ. Написана она кириллицей. [15] В 1987 г. в Баку издательством «Азернешр» был опубликован второй том двухтомника «Избранные рассказы» под названием «Роман и рассказы», со-

стоящий из 445 страниц. Составителями книги являются Ягуб Исмаилов, Туран Гасанзаде. Художником книги вышедшей под редакцией Тельмана Назерли является Т.Агабабаев. Полиграфический размер книги темно-коричневого цвета 15х20см. Заказ 239 штук, а тираж 30000 экземпляров. В книгу входит роман «Открытая книга» (третье издание) и 45 рассказ. Книга написана кириллицей. [16] В 2005г. в Баку издательством «Шерг-Герб» была издана книга Мир Джалала «Избранные произведения», состоящая из 381 страницы. Составителем является Ягуб Исмаилов. Редактор книги не отмечен. Размер книги бордового цвета с толстой картонной обложкой 15х22см. Заказ книги 168 штук, а тираж 25000 экземпляров. В книгу входят роман «Открытая книга» (четвертое издание) и 26 рассказ. [17] В 2005г. в Баку издательством «Чашыоглу» была издана книга Мир Джалала «Избранные произведения», состоящая из 480 страниц. Составитель книги Абиде Пашаева, размер книги зеленого цвета с толстой картонной обложкой 17,5 х36см. Художник книги Рагима Гасанова, а редактор Нариман Гасанзаде. Заказ книги 245 штук, тираж 5000 экземпляров. На обложке книги написано «Азербайджанская литература». Автором преди-

словия под названием «Мир Джалал бессмертен, а почетное звание лишь титул» - Нариман Гасанзаде. В предисловии Нариман Гасанзаде процитировал Низами: «Если родоначальником человечества является Адам -значит все люди, а он является родоначальником человечности». В книгу входят романы «Воскресший человек», «Манифест молодого человека» и 26 рассказы. [18] В 2008г. в Баку под руководством общественного объединения регионального развития издательством «Чашыоглу» был издан первый том трехтомника Мир Джалала «Избранные произведения», состоящий из 438 страниц. Книга была посвящена столетию видного азербайджанского писателя Мир Джалала Пашаева. Составителем книги и редактором является Наргиз Пашаева и Тахим Муталлимов. Размер книги, светло-желтого цвета с черной полоской по краям и с толстой картонной обложкой, 15х21см. Заказ и тираж книги не указаны. Автором предисловия под названием «Писатель и время» является Наргиз Пашаева. Художник книги, написанной на кириллице, Эльчин Джаббаров. В книгу входит роман «Воскресший человек» и 22 рассказы. Короткое резюме у книги дано на азербайджанском и английских языках. [19] В представленную читателям книгу Мир

Джалала Пашаева, видного представителя азербайджанской литературы и науки, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки входят роман автора «Воскресший человек» и его рассказы. В книге «Воскресший человек» рассказывается о народном движении за свободу в начале XX века, об исторических событиях того времени, о быте народа, о трагедиях, которые происходили в жизни главного героя Гадира и его семьи. Рассказы М.Д.Пашаева, большого мастера, вызывают интерес своей философской мудростью, юмором. В них освещаются актуальные проблемы, типичные ситуации происходящие в жизни простых людей .В целом в книге отображены присущие творчеству Мир Джалала заставляющий задуматься юмор, неповторимость образов героев, философский образ мышления.

В 2008 г вышли второй и третий том трехтомника Мир Джалала «Избранные произведения». Показатели те же что и у первого тома. Разница лишь в количестве страниц. Во второй книге 462 страницы, а в третьей 450 страниц. [20] Во второй книге напечатаны роман «Манифест молодого человека» и рассказы. В третью книгу видного азербайджанского писателя Мир Джалала вошли напечатан-

ные писателем в 1958 г. роман «Куда держим путь» и несколько рассказы. Роман был посвящен поэту-сатирику М.А.Сабиру. В произведении освещаются очень сложный жизненный путь и богатое творчество поэта. События, происходящие в произведении, охватывают 1908-1911 годы. Это был тот период в жизни поэта, когда его знали уже не только в Азербайджане, но и везде где читали журнал «Молла Насреддин». У писателя было много поклонников в Турции, Иране, Татарстане, Средней Азии. В романе оживали события, происходящие в общественной жизни Азербайджана в первой половине XXвека, рассказывалось там, о том, как в этот сложный период М.А.Сабир подобно «старому саду» демонстрировал непоколебимостьи величие. Рассказы данные в книге были по темам разнообразны. В рассказых: «Абрикосовое дерево», «Печать и любовь», «Кто виноват» и т.д. нашли свое отражение осмысленный юмор, подробный психологический анализ. А в третью книгу вошли роман «Куда держим путь» и 15 рассказы. [21]

ЛИТЕРАТУРА

1.Мир Джалал. Возрожденный человек// Baky: Азернешр,1935.-с. 204

2.Мир Джалал. Ровестники// Баку: Азернешр, 1948.-с.142

3.Мир Джалал. Новый город // Баку: Азернешр,1951.-С.259

4.Мир Джалал. Ровестники // Баку:Ушаггенджнешр, 1955.-С.220

5.Мир Джалал. Избранное // Баку: Азернешр, 1956.-С. 499 2-ом томе. 1-й том.

6.Мир Джалал. Избранное // Баку: Азернешр, 1957.-С.530 2-ом томе. 2-ой том.

7.Мир Джалал. Куда наша путь. // Баку:Ушаггенджнешр, 1957.-С.243

8.Мир Джалал. Ровестники //Баку: Азернешр, 1984.-С.374

9.Мир Джалал. Избранное // Баку: Азернешр, 1967.-С. 518 4-ом томе. 1-й том.

10.Мир Джалал. Избранное // Baky: Азенешр, 1967.-С. 499 4-ом томе. 2-ой том.

11.Мир Джалал. Избранное // Baky: Азенешр, 1968.-С.525 4-ом томе. 3-й том.

12.Мир Джалал. Избранное // Баку: Генджлик, 1968.-С. 473 4-ом томе. 4-ой том.

13.Мир Джалал. Возрожденный человек // Баку: Язычы, 1978.-С.414

14.Мир Джалал. Ровестники // Баку: Азернешр, 1984.-С.374

15.Мир Джалал. Избранное // Баку: Азернешр,1986.-С. 464 2-ом томе. 1-й том.

16.Мир Джалал. Избранное // Баку: Азернешр, 1987.-С.445 2-ом томе. 2-й том.

17.Мир Джалал. Избранное // Баку: Шерг-Герб, 2005.-С. 381

18.Мир Джалал. Избранное // Баку:Чашыоглу, 2005.-С.480

19.Мир Джалал. Избранное. Общественное объединение в регионах 1 книга// Баку: Чашыоглу, 2008.-С. 438

20.Мир Джалал. Избранное.Общественное объединение в регионах 2 книга // Баку: Чашыоглу, 2008.-С.462

21.Мир Джалал. Избранное.Общественное объединение в регионах 3 книга // Баку: Чашыоглу, 2008.-С.450.

Гусейнова Айтен Казанфар кызы,
докторант
Главный специалист Института Рукописей-имени Мухаммеда Физули НАНА Азербайджан

Глава первая

ОСКОРБЛЕНИЕ

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастпивая семья несчастлива по-своему.

Лев Толстой

- Слезай! Тебе говорят!.. Оглох что ли?
- Не твое дерево.
- Тебе говорят, слезай!

Ага-Меджид посмотрел так злобно, что всякий пришел бы в трепет.

Но Бахар не видел лица Ага-Меджида. Он запихивал в рот сочные, сладкие ягоды. Ему было не до разговоров.

Последние слова Ага-Меджида прозвучали грозно. Бахар понимал, что надо либо сейчас же слезать с дерева, либо решительно ответить: «Не слезу!»

Но вправе ли он не подчиниться требованию Ага-Меджида? Конечно, право на стороне Бахара. Ведь это старое дерево, свободно раскинувшее свои ветви,

не принадлежит Ага Меджиду, оно ничье, общественное. Давным-давно посадил его среди села какой-то добрый старик, и ягодами его обычно лакомились и птицы, и ребята.

Бахар пас ягнят Ильяс-бека и получал за это всего-навсего полмеры пшеницы в месяц. Ему была обещана еще пара чарухов', если усердие его окажется неизменным. Весь день Бахару очень хотелось есть. Кусок хлеба, полученный им утром от матери, немог утолить голода. Емлик-трава, как назло, сегодня ему не попадалась. К полудню стало припекать. Ягнята перестали щипать траву и, опустив низко головы, искали тени. Бахар загнал их в ближайший сад, а сам побежал к тутовому дереву.

Вдруг, откуда не возьмись, этот Ага-Меджид, внук Абульфета. Все знают, что лучше и не связываться с ним: ведь он сын Гаджи', Бахар прекрасно понимал это, но все же не хотел слезать с дерева, рассчитывая если не на свою силу, то на свое право.

- Не слышишь, что тебе говорят? Эй, ты, сын вдовы.

'Чарухи - род лаптей из сыромятиой кожи (постолы).

'Гаджи - звание человека, посетившего города Мекку и Медину и поклонившегося гробнице пророка Мухаммеда.

Этого Бахар уже не мог перенести.

- Не слезу!

Разъяренный Ага-Меджид стал взбираться на дерево. Спасаясь от преследования, Бахар залезал все выше и выше. Он был легок и проворен, а его противник упитан инеповоротлив. Ага-Меджид боялся опираться на тонкие ветки и выбирал более надежные, а Бахар тем временем успевал ускользнуть.

Вскоре Ага-Меджид выбился из сил. Он был очень зол и ругался; обливаясь потом, он то и дело поглядывал вниз на землю, словно искал камень, чтобы бросить в своего противника. А Бахар, удобно устроившись на вершине дерева, посмеивался над своим неуклюжим преследователем. Сорвав сочную ягоду, пастушонок брызгал ее темным соком на белую рубаху Ага-Меджида.

- Ладно, - сказал наконец примирительно Ага-Меджид, - слезай, не трону.

- Врешь ...

- Клянусь мамой, не трону!..

Бахар стал спускаться, улучив удобный момент, Ага-Меджид с силой ударил его ногой в плечо. Бахар успел уцепиться за ветку.

Ага-Меджид хотел повторить удар, но Бахар схватил его за ногу. Ветка обломилась, и оба кубарем полетели вниз.

Ага-Меджид вскрикнул. Бахар схватился за ушибленное колено. Придя в себя, Ага-Меджид бросился на Бахара, сорвал с него папаху, чтобы больнее ударить по голове.

Защищая одной рукой голову, Бахар крепко вцепился другой в ворот рубахи Ага-Меджида, и она с треском разорвалась до самого подола.

В этот момент кто-то схватил Бахара за уши.

- Как ты смеешь трогать Ага-Меджида?

- А зачем он дерется?

- Врешь, щенок!

Послышались голоса прохожих:

- Взрослая женщина, а с детьми связываешься. Стыдно!

- Не ваше дело! - огрызалась мать Ага-Меджида.

Гарынджа-ханум до синяков нащипала Бахару щеки. Потом стащила с него бязевую рубаху и, отпустив полуголого, крикнула:

- Получишь, когда заплатишь за порванную рубаху.

Побитый, изруганный и раздетый Бахар боялся возвращаться домой. Боялся не столько за себя, сколько за брата. Он знал, что Мардан пойдет за рубашкой, а

отец Ага-Меджида накричит на Мардана, и брат не выдержит и полезет в драку. Мать очень любила Бахара.

Об этом, быть может, и не стоило бы говорить, потому что каждая мать любит своего ребенка, да и как ей не любить?! Но в материнской любви Соны был особый оттенок, особая черта. Бахару не было еще и двух лет, и он только что начинал говорить, когда отец его тяжело заболел и лишился языка. Чувствуя приближение смерти, он знаками дал понять, что поручает Бахара жене. Никогда не забудет Сона полный тоски взгляд отца, когда он смотрел на ребенка.

Соне казалось, что муж, оставивший семью в нищете, неспокоен в могиле, страдает, скорбно глядит он на маленького сына и громко стонет, видя его в горе и слезах. Сердце матери заныло от боли, когда она увидела плачущего сына. Взяв Бахара за руку, она пошла с ним к дому Гаджи-ИбрагимХалила.

В селении шутили, что с самой свадьбы Гарынджи-ханум угли в ее самоваре не потухали. Шутка была недалека от правды: желтый самовар стоял то в комнате, то на веранде, то во дворе под тенистым деревом. Круглый год весело кипела в нем вода, и Гарынджа-ханум наслаждалась чаем.

- Ты хоть летом поменьше пей чаю. Поела бы лучше дыни или арбуза, - ворчал муж.

- Чай сам по себе, а дыни и арбузы сами по себе, - огрызалась ханум.

Она и теперь сидела на веранде, вытянув ноги. Перед нею стояли, остывая, четыре стакана слабого чая. После обеда она выпила две миски разбавленной простокваши и все же чувствовала сильнуюжажду.

Сона обратилась к хозяйке:

- Простите сироту. Он виноват перед вами. Я сама его накажу.

Отдайте рубашку. Сыну ведь больше нечего надеть. Он простудится.

- Никаких тут рубах нет! - крикнула Гарынджа-ханум, не вставая с места.- Мы не для того наряжаем своего ребенка, чтобы ваши безобразники рвали на нем одежду.

Затем она позвала слугу:

- Прогони эту цыганку! А то Гаджи изобьет и ее и мальчишку.

Сона молча ушла. Дома она накинула на Бахара свою старуюшаль и стала ожидать старшего сына Мардана: тот косил сено. Мать надеялась, что Мардан сможет убедить гаджи вернуть рубаху

мальчику.

Мардан пришел домой усталый.

Повесив косу на гвоздь, он взял из ниши аккуратно сложенный ковер с изображением Юсифа и Зулейхи' и расстелил его на земляном полу. Взглянув на двух влюбленных, которые, сидя рядышком, нюхали розу, Мардан глубоко вздохнул и растянулся на мягком ковре.

Вошедшая со двора мать недовольно поморщилась, увидев, что сын разлегся на ковре.

- Встань, сынок! Поди ляг у стенки! - сказала она.

Мардану не хотелось подниматься:

- Для кого ты бережешь ковер, мать?

- Ну, что за расспросы! Для кого же мне беречь его!

С этими словами она взялась за угол ковра. Мардану пришлось встать. Он знал, что мать бережет этот ковер, сотканный ею в дни молодости, в подарок будущей невестке.

- Таков уж нрав у мусульман, - проворчал Мардан. - Ковры у них преют в тюках, а сами на голой земле сидят.

- Ты еще не знаешь, что такое дом и порядок, - оправдывалась Сона. - Больше двадцати лет я берегу этот ковер. Значит, есть какая-то у меня цель, раз я

храню. Если смерть пощадит меня, сам увидишь, для чего он предназначен, а умру ...

- Зачем тебе умирать? - прервал ее Мардан. - Без тебя хватает злых людей, достойных смерти!..

Мардан снял обмотки и чарухи. И, когда к уставшим и отекшим ногам прилила кровь, Мардан почувствовал, как он утомился за день.

Мать принесла в кувшинчике воды умыться и рассказала сыну о том, что случилось с Бахаром.

- Ребенок остался голым. А как ему завтра ягнят пасти? В чем он пойдет? - заключила она свой рассказ.

Мардан подозвал Бахара:

- Расскажи-ка, из-за чего вы подрались?

Бахар молчал, хотя чувствовал в словах брата участие и ласку.Мардан повторил свой вопрос.

Но Бахар не в силах был отвечать. Опустив голову, он вдруг расплакался.

Мать принялась его успокаивать. Она сама рассказала Мардану все подробности происшествия и прибавила, что Бахар ни в чем не виноват.

Мардан надел чарухи.

'ЮСИф и Зулейха - герои народной легенды.

- Неправда, мать! Бахар очень виноват.

- Я же говорю тебе, что во всем виноват сын Гаджи. Мальчик был на дере ...

- Неправда! - прервал Мардан мать. - Виноват Бахар! Виноват в том, что беден. В наше время нет большей вины, чем бьпь бедным. Лучше умереть, чем жить в бедности.

Сона уже раскаивалась в том, что рассказала сыпу о случившемся. «Молод он и горяч, - подумала она. - как бы не наговорил там лишнего. Еще схватят его и передадут юзбаши'». (*Юзбаши - сельский староста.*) Но потом мать стала успокаивать себя: «Мардан - умница. Он сдержится. Может, ему удастся вьшро-сить рубашку».

Бахар пошел вслед за братом.

- Оставайся дома! - вернул его Мардан. - Ложись спать. Я сейчас приду...

Сона проводила Мардана до ворот.

- Не говори лишнего, - поучала она сына, - Скажи, что дитя неразумное. С него и взыскивать нечего.

Дом Гаджи-Ибрагим-Халила расположен на краю деревни, у пруда. За высокой стеной красуется двух-этажное кирпичное здание с деревянным балконом и черепичной крышей. Позади господского дома-

черный двор; здесь живут слуги, батраки, здесь находится и скур.

Во дворе Гаджи каждый занят делом: кто насыпает корм скту, кто доит корову, кто чинит ворота, Один ужинает, другой отбивает косы - завтра с утра косить. Тот колет дрова, а этот качает воду. Торопятся закончить свою работу батраки, чтобы поскорее отдаться благословенному отдыху.

Короткая весенная ночь, несущая людям недолгий сон, дорога каждому.

Подойдя к воротам, Мардан стал звать:

- Дядя Гаджи! Дядя Гаджи!

Из дома вышла женщина.

- Гаджи на том дворе, сынок! - показала она рукой в сторону черного двора. - Там скирды складывают

Мардан направился туда. Во дворе было шумно, переюшкались люди, мычали коровы и телята, лаяли собаки.

Гаджи, с длинной трубкой в зубах, стоял на крыше саманника и наблюдал за работой.

Мардан поздоровался с Гаджи. Не ответив на приветствие, тот вынул трубку изо рта и закричал:

- Ты что, нечестивец, не смотришь за своим щенком?!

Мардан сделал вид, что не слышит оскорбительных слов, и спокойно сказал:

- Дядя Гаджи! Будьте добры, прикажите вернуть рубашку... Провинился малый...

- Я тебя спрашиваю, - прервал его гаджи, - почему не приструнить своего щенка?

- Дядя Гаджи, стыдно вам...

- Ты еще рассуждаешь, оборванец этакий!

- Дядя Гаджи, вам не подобает так говорить, - вы аксакал'.

- Молчать, собака, сын свиньи!

- Дядя Гаджи, вы человек почтенный.

- Ты что, пришел мне проповедь читать? Завтра отца твоего сожгу'...

- Дядя Гаджи, вы же верующий человек.

- Сгинь с моих глаз!

- Дядя Гаджи, вы ведь в Мекку ездили!..

- Грех таким, как ты, собакам говорить о Мекке.

'Аксакал - почетное, уважаемое лицо; ДОСЛОВНО: белобородый.

'Оскорбительное выражение, вроде: «Покажу тебе, где раки ЗИМУЮТ».

Мардан умолк. Глядя со стороны, можно было подумать, что он струсил или не знает, что возразить. Но это было не так. Помолчав с минуту, он сказал глухо:

- Жалко мне вас, дядя Гаджи! ..

Гаджи своим ушам не поверил; засунув трубку за кушак и упершись ладонями в бедра, он всем корпусом подался вперед:

-Ка-ак?.

Мардан вскочил на крышу, схватил Гаджи за ворот, повалил, сел на него верхом и стал бить по голове, приговаривая:

- Вот так! Понятно? Вот так!..

Мардана душила злоба, и весь мир казался ему пылающей печью. Из этого пламени, которое сжигало его жизнь, его труд, его семью, его счастье и надежды, он хотел вырвать, спасти, защитить лишь одно - свое человеческое достоинство.

Этот жирный богатей с широким кушаком и крашеной бородой был в глазах Мардана олицетворением всех зол. Он знал, что многие ненавидят и проклинают Гаджи, но никто не осмеливается поднять на него руку. И от этого зло с каждым днем становится сильнее, гнет его все тяжелее.

На вопли Гаджи сбежались женщины и стали осыпать Мардана бранью. Слуги бросились на помощь хозяину, но Мардан прикрикнул на них: «Прочь!» - и они отошли в сторону.

В сущности, слуги только делали вид, что хотят помочь Гаджи. Зрелище избиения хозяина доставляло им несказанное удовольствие.

Они лукаво подмигивали друг другу, потирая руки. Один из батраков, старик Мовлам, побежал домой и стал рассказывать:

- Мардан, дай бог ему счастья, так расправился с Гаджи-Ибрагим-Халилом, что тот всю жизнь будет помнить. Ну и бил же он его, ну и тузил! Жаль, тебя не было. Как он стукнет - у меня в груди розы расцветают. Дай бог счастья этому парню. Эй, жена, будем живы, сварим плов пожирнее и позовем тогда Мардана в гости.

Мардан устал. Тяжело дыша, он вытирал пот с лица.

Один из батраков, быстро пройдя мимо него, шепнул:

- Чего стоишь? Удирай!

Зажав в кулаке сорванные с Гаджи часы с серебряной цепочкой, Мардан крикнул ему:

- Когда принесешь рубашку, получишь свои часы.

И ушел.

Гаджи было не до часов. Он держался за голову и громко стонал. Его кушак валялся на земле. Обшитый галуном ворот был разорван. Немного придя в себя, он набросился на слуг:

- Чего стоите, проклятые?

Те молчали. Лишь один нашелся и тихо сказал:

- Откуда нам было знать, как поступить, хозяин? Мы думали, у вас свои счеты.

- Какие такие могут быть счеты? - простонал Гаджи.

- Мы же ничего не знали. А то разве трудно было с ним разделяться?

Гаджи сказал со злостью:

- Счастье этого негодяя, что я не прихватил из дому кинжал Ага-Рашида!

Поддерживая хозяина под руку, слуга участливо заметил:

- Все к добру, хозяин, хорошо, что не взял, а то и кинжал бы пропал.

Дорогой Мардан пришел в себя. Гнев его остыл. Теперь он думал о последствиях своего поступка. Конечно, гаджи так дела неоставит, явится юзбаши, составит протокол, но это еще полбеды.

Сыновья и племянники гаджи не такой народ, чтобы забыть обиду. Они способны убить человека и за меньший проступок.

Увидев сына, мать облегченно вздохнула:

- А у нас гость, да еще какой дорогой! Что ты так долго пропадал?

Мардан вошел в комнату. Навстречу ему поднялся Сурен.

-Мардан!

-Сурен!

И два друга крепко обнялись. Сона смотрела на них с глубоким волнением, и из глаз ее капля за каплей падали теплые слезы.

Встреча двух друзей, потерявших надежду когда-нибудь свидеться и горько переживавших эту разлуку, была столь неожиданна, что они не могли прийти в себя: эта встреча казалась им сном.

Наконец Мардан выпустил друга из своих объятий и стал разглядывать его, точно желая узнать, сильно ли изменился тот за годы разлуки. Но через мгновение снова обнял Сурена, и в голосе его послышалась особенная радость:

- Ах, Сурен! Сколько лет мы не виделись Как живешь? Как тетя Асмик? Какими судьбами ты очутился здесь?

Мардан задал этот вопрос, но тут же понял, что могло так внезапно привести сюда Сурена.

В нагорных селениях чиновники мусаватского правительства житья не давали крестьянам: грабили, насиловали, убивали, разжигая национальную рознь. Очевидно, Сурен вынужден был спасаться бегством. Но как решился он, армянин, искать убежища в мусульманском селе?

Мардан понимал это и потому не стал ждать ответа. Надо было принимать срочные меры предосторожности. Мешкать нельзя. Но что делать?..

Он выбежал на улицу, поглядел во все стороны и вернулся, заперев, ворота на засов.

- Знаю, Сурен, - сказал он гостю, - что не для веселья ты пришел ко мне.

- Да накажет аллах виновников наших бедствий. Они разлучили нас и губят нашу жизнь. Я знаю, что ты пришел искать убежища. Ты правильно поступил, но нам придется отсюда уйти.

Сона воскликнула:

- Что ты говоришь, сынок?

- А ты, мать, собери нас в дорогу! И положи чего-нибудь съестного.

Сурен хотел что-то сказать, но Мардан знаком остановил его и, чтобы мать не услышала, тихонько шепнул:

- Ты думаешь у нас спрятаться, а меня самого юз баши скоро придет ловить. Я избил Гаджи-Ибрагим-Халила. Он обидел братишку. Боюсь, как бы сейчас не нагрянули к нам. Мне-то ничего, а тебе тогда придется плохо. Нам надо по скорей уходить.

Сурен побледнел. Мардану стало неприятно, что он не объяснил ему всего толком. И он обнял друга:

- Ты, может, думаешь, я недоволен твоим приходом? Нет, ты не думай так. На что мне жизнь, если я не смогу защитить тебя, моего лучшего друга. Но нам надо сейчас же скрыться.

Мардан снял с гвоздя свою папаху и надел на Сурена, потом затянул потуже обмотки на ногах и взял старый пиджак.

- Да что же случилось? - с тревогой спросила Сона. - Чего ты боишься!

- Ничего не случилось, мать. Мне надо проводить гостя. Может, дела меня задержат.

- Куда ты? Оставайся, гостя я сама провожу, если надо. Что за сборы в такое неспокойное время?

Мардан ничего не ответил.

- Где наш договор с Суреном о побратимстве? - вдруг спросил он.

- В сундуке, - ответила мать. - А что?

Мардан давно уже хотел разорвать этот договор, скрепленный печатью моллы: какое значение для их дружбы мог иметь клочок бумаги! Но он понял, что в такую минуту его поступок мог обидеть Сурена.

- Мать, спрячь эту бумагу подальше, чтобы не попала в чужие руки.

- Куда ты собираешься? - снова спросила мать. Тревога все больше охватывала ее.

- В город. Там у меня есть надежное место, - ответил Мардан и повернулся к Сурену. - Тебя никто не видел по дороге?

-Нет.

- Наверняка?

- Наверняка.

- Ты был в своей фуражке?

- Стал бы я тут ходить в фуражке.

Мардан довольно улыбнулся.

- О, я хорошо знаю твою осторожность! Вот что, мать, - обернулся он к матери. - Положи мне в карман ножницы, по надобятся.

- Да никто его не видел, - стала успокаивать его мать. - Сурен вошел так тихо, незаметно. Но все-таки куда ты уходишь? Ты что-то скрываешь от меня?

- Нас ищут, мать! - сказал Мардан. - Нам надо уйти из деревни.

У Соны пересохло в горле, она долго не могла выговорить ни слова. Побледнев, трясущимися губами она с трудом прошептала:

- Может, спрячетесь где-нибудь поблизости?

- Нет, мать! Тут нам тья не дадут. А город большой. Кто там узнает нас - кругом рабочие.

- Вся деревня за вас встанет, чего ты боишься?

- Не надейся, мать, деревня не справится. Каратели, полиция, турецкие офицеры нагрянут, станут разыскивать нас в каждой сакле, под каждым кустом. Дело серьезное.

- А я так и не узнаю, где ты?

- Жив буду, сообщу.

Мардан оглянулся на Бахара, который спал, закутавшись в изодранное одеяльце.

- Береги Бахара! - глухо сказал он. - Может, не скоро вернусь.

При имени Бахара Сона глубоко и горько вздохнула:

- Бедное дитя, рос без отца, а теперь и без брата останется.

- Не он один, мать, тысячи сирот остаются без отцов и братьев, матерей и сестер. У власти сидят палачи, разбойники. Ведь ты сама это хорошо знаешь.

- Чтоб им провалиться!..

Сона утирала глаза, отворачиваясь, чтобы не показать слез.

- Не уходите далеко! Нас не забывайге! Что я теперь скажу Бахару?

Мардан был тоже взволнован.

- Что делать, мама, - сказал он ласково. - Другого выхода нет. Надеюсь, скоро свидимся! ..

Мардан и Сурен поцеловали безмятежно спавшего мальчика.

- Счастливо оставаться, тетушка!

- Счастливого пути, дети мои!

- Смотри, мать, Бахара я на тебя оставляю.

- Пока жива, буду беречь его, не беспокойся. Поскорее сообщи о себе.

- Сообщу. До свидания.

Мардан и Сурен шли через сад Курд-оглы, когда раздался громкий стук в ворота дома. Услышь они этот стук, оба непременно бы вернулись, чтобы встретиться лицом к лицу с теми, кто ломился в убогое жилище. Но они были на другом конце селения, шагали по ячменному по лю, быстро удаляясь в сторону гор. Все их мысли были с теми, кто остался в сакле. Они шли, унося в сердцах тревогу.

Проводив Мардана и его друга, Сона заперла ворота и вернулась в комнату. Но ее горе показалось ей здесь тяжелее, и она вышла опять во двор и села у канавки. Тихие слезы бежали по ее лицу.

Услышав стук, она быстро вбежала в комнату, опустила занавески, убавила свет в лампе.

- Кто там? - спросила она, выйдя к воротам.

В ответ застучали еще громче.

Трудно было определить, чем колотили - камнем, ногой, ружейным прикладом или еще чем-то крепким и тяжелым; стучали так, что ворота готовы были сорваться с петель.

Сона окликнула:

-Кто тут?

- Где хозяин? - послышалось с улицы.

Голос показался знакомым, но Сона не могла вспомнить, чей он. На цыпочках подошла она к воротам, заглянула в щелочку, но в темноте ничего не могла разобрать. Тогда она отворила ворота.

Перед нею стоял невысокий мужчина в низенькой папахе. Рука его сжимала рукоятку кинжала.

- Позови хозяина! - сказал он повелительно.

Сона узнала Ага-Рашида, старшего сына Гаджи-Ибрагим-Халила.

- Что прикажете?

- Разве в этом доме нет мужчины? - продолжал Ага-Рашид.

- А зачем вам?

- Мне надо, чтобы не женщина, а мужчина встречал мужчину...

Слова эти показались Соне обидными.

- Не пристало мужчине говорить дерзости женщине! - сказала она резко. - Что тебе надо?

- Где твой храбрец сын? - еще больше повысил голос Ага-Рашид. - Пусть выйдет ко мне!

- Его нет дома.

- Как нет? Зови его сюда!

- Говорят тебе: нету!

Ага-Рашид окинул женщину презрительным взглядом:

- Не спрятался ли он под юбкой? А ну, встряхнись!

Сона в ярости схватила камень с земли и швырнула в Ага-Рашида с такой силой, что, попади она, непременно покалечила бы наглеца.

- Что тебе надо от меня, собачий сын?

- Ну и баба! - пробормотал Ага-Рашид, отскочив в сторону, и стал отступать.

Сона захлопнула ворота и ушла в саклю. А на улице Ага-Рашид кричал:

- Берегись, босяцкое отродье! Только попадись мне на глаза.

Тебя божьего света лишу или эту папаху сменю на женский платок!..

Сняв низенькую папаху из бухарского каракуля, он потрясал ею в воздухе. Накричавшись до хрипоты, Ага-Рашид направился домой; от забора отделились две фигуры и вместе с ним скрылись в темноте. Как ни кичился своей храбростью Ага-Рашид, все же он не решился выступить против Мардана один на один.

Слух о происшествии с Гаджи-Ибрагим-Халилом мгновенно распространился по всему селению. Узнав, что Мардан на глазах всей челяди избил его отца, Ага-Рашид почувствовал неодолимый страх и растерялся. У них в доме давно уже поговаривали, что батраки и вся эта голытьба распоясалась в округе. Теперь он воочию, на собственном опыте убедился в этом. Мардан вырос в глазах Ага-Рашида в очень опасного врага, с которым ему при всем его богатстве не справиться. На людях он храбрился, кричал, потрясал оружием, угрожал Мардану жестокой расправой.

Гаджи хотел послать за юзбаши. Гарынджа-ханум требовала, чтобы отправили конного к самому при

ставу. Друзья Гаджи советовали вызвать моллу, чтобы составить жалобу на Мардана. Женщины высказывали предположение, что у Мардана есть сообщники, что он участник преступной шайки...

Выступил и Бала-Абульфет, один из племянников Гаджи.

- Нечего жаловаться на такого пса! - сказал он. - Я сам с ним расправлюсь. Не пристало нам затевать тяжбу. Наше дело идти напролом: встретиться лицом к лицу - уложить на месте, и все тут. Пускай тогда они на тебя жалуются. Не годится мужчине жаловаться на бабу. Небось, у меня руки целы, кошка их не отгрызла. Вот моя жалоба! Дай бог здоровья моему кинжалу, лучшему другу и помощнику! Я сейчас напишу на морде Мардана такое прошение, что на всю жизнь останется, по всем городам и селам читать будут.

С этими словами Бала-Абульфет ринулся к выходу. Ага-Рашид словно очнулся.

- Братец! - крикнул он. - Куда ты? Я сам расправлюсь с нахалом.

К ним присоединился еще двоюродный брат Ага-Рашида, и они втроем направились к сакле Мардана. Было условлено, что Ага-Рашид вызовет обидчика и,

когда тот покажется на улице, братья выйдут из засады и втроем расправятся с ним.

Вот почему Ага-Рашид так храбро кричал на Сону.

На рассвете юз баши Ясар Лятиф уже стучался в ворота.

- Говори, где твой сын?

Сона клялась и божилась:

- Братец Лятиф, не знаю. Как ушел вечером из дому, так и не возвращался. - у кого он косил? - спросил, насупившись, Ясар Лятиф.

- У сыновей Гейдара.

Юзбаши направил лошадь в поле, но там от батраков узнал, что Мардан на работу не вышел.

Глава вторая

«ПОНЯТНО! ВСЕ ПОНЯТНО!»

Появились крылья у муравья, - значит смерть его близка...

Азербайджанская пословица

Бахар пас ягнят. На склоне холма он набрел на небольшую поляну, покрытую зеленым бархатом свежих весенних трав, еще не тронутых скотом. Какая удача! С такой поляны ягнята не станут разбегаться.

Уткнувшись мордами в землю, ягнята звучно щипали сочную траву. И Бахару это доставляло огромное удовольствие. Он сам хорошо знал, что такое голод, поэтому всегда старался накормить своих питомцев досыта.

Конечно, наевшись вдоволь, ни один ягненок не отойдет в сторону. Только после полудня надо будет погнать их в ущелье на водопой, а пока Бахар свободен и может заниматься чем угодно.

Бахару захотелось поиграть. Он стал звать других пастухов, таких же деревенских ребят.

Услышав его зов, Мурсал, расположившийся со своими ягнятами в долине, погнал их наверх.

- Эй, Мурсал! Оставь ягнят!.. Иди сюда один! Слышишь! Без ягнят...

- А на кого их оставить?

- Будешь следить отсюда!

- Нет, так не годится, - возразил Мурсал.

- Ладно! - согласился Бахар. - Гони и их сюда!

Мурсал пригнал на поляну своих ягнят. Они были голодны и жадно набросились на траву.

- Давай играть в бабки! - предложил Бахар.

- Да у меня мало.

- И у меня не много. Сыграем!

Мурсал кивнул в знак согласия. Бахар зажал несколько бабок в пригоршне и спросил:

- Чет или нечет?

Мурсал долго думал, прежде чем ответить, но все же не угадал. Бахар вынул из кармана горсть раскрашенных бабок и бросил на землю. Две бабки стали острым концом вверх. Это значило, что Мурсал проиграл две бабки. Он запустил руку в карман, ощупью выбрал самые мелкие и швырнул их Бахару.

- Эгей! Эгей! Пастухи! Не пускайте ягнят в поле! - послышалось снизу.

Ребята бросились к отаре.

- Мои все тут, - сказал Мурсал. - Это твои удрали.

Бахар побежал вниз по склону, а Мурсал, отделив своих ягнят, погнал их дальше.

Бахар нагнал ягнят у самой нивы и повернул их назад. Опасно было все же оставлять их без присмотра, а тут еще сторож в поле. Теперь Бахар шел за ягнятами, положив палку на плечо, насвистывая какую-то песенку; порою он останавливался, чтобы кинуть камень в ущелье или порыться в кустарнике - нет ли там птиц.

Здесь часто попадались гнезда ласточек, диких голубей, перепелов, горных куропаток. Вдруг что-то в траве приковало к себе его взгляд. Среди камней, скрытых в траве, что-то пестрело. Уж не крыло ли это? Наклонившись, Бахар различил головку притаившейся куропатки. Она не двигалась. Бахар тотчас шагнул и накрыл птицу своей мохнатой папахой. Куропатка забилась вдруг и чуть не вырвалась, но мальчик крепко ухватился за ее хвост. Птица рванулась еще, но Бахар быстро прижал ее к груди обеими руками.

В надежде захватить и птенцов Бахар заглянул в гнездо и увидел там небольшие серые, в темных пятнах яйца. Он осторожно спрятал их в карман и весело побежал за ягнятами, чувствуя себя победителем.

Как ему хотелось найти Мурсала. Ведь он не поверит, ни за что не поверит, что Бахар поймал живую куропатку. А Бахар будет рассказывать, как он издали заметил гнездо, с какой осторожностью подошел к нему и как поймал эту пугливую горную красавицу.

Вот будет поражен Мурсал!..

Несколько раз Бахар окликал своего товарища. Голос разносился эхом в горах, но ответа не было. Видимо, Мурсал успел отогнать своих ягнят далеко за холм. И никого не было вокруг, чтобы можно было похвалиться своей удачей. Никого, кроме ягнят, которые ничего не понимали и не разделяли радости своего пастушка; они медленно двигались вперед, на ходу пощипывая травку.

Так Бахар поднялся по склону холма и огляделся вокруг. Наверху синело безоблачное небо. В вышине кружили орлы, порой какой-нибудь из них камнем падал вниз, и тогда явственно слышался писк зайца.

В эту минуту и Бахар вообразил себя охотником, а добычей его была черноглазая, прекрасная куропатка.

Поглядев на свою тень, Бахар понял, что еще рано, солнце едва перевалило за полдень. Нежно поглаживая пушистую головку птицы, любуясь ее миндалевидными испуганными глазками, мальчик думал:

«Вот обрадуется мама! Попрошу ее купить клетку. Посажу курочку на яйца, буду таскать ей колосья. Выкормлю птенцов. И когда брат вернется с сенокоса, когда дядя Сурен придет к нам в гости, мы тоже будем есть курятину».

Поглощенный этими мыслями, мальчик медленно брел по склону. Вдруг у самого его сердца забились крылья. Ему показалось, что сердце выпорхнуло из груди.

Он бросился за птицей, но та быстро промелькнула и исчезла.

Так обидно было расставаться со своими мечтами. Бахар готов быя расплакаться. В это время из-за ракит показались два человека: один был похож на Ага-Рашида, рядом с ним шел юзбаши. Они окликнули Бахара.

Бахар почувствовал на ноге что-то холодное, взглянул - сквозь
материю про ступало желтое пятно. Он нечаянно раздавил птичьи яйца в кармане. Вытерев штаны платком, в который заворачивал хлеб, он вывернул мокрый карман.

Недавние светлые, радостные мечты уступили место столь частому в жизни мальчика - сироты грузу мрачных дум и горьких разочарований.

Те двое приближались. Бахар подумал, что они идут по своим делам, но те шли прямо к нему.

- Что им от меня нужно? - пробормотал он удивленно. Подойдя к пастушонку, Ага-Рашид взял его за руку и потянул за собой:

-Пойдем!..

Бахар заплакал в испуге.

- Не бойся, детка! - успокаивал его Лятиф. - Нам надо кое о чем спросить тебя.

Бахар упирался и не хотел идти.

- Спрашивайте здесь, я отвечу.

- Здесь не место. Иди!

- Ягнята у меня, нельзя их без присмотра.

- Иди, говорят тебе!..

Ясар Лятиф подтолкнул его в спину. Мальчик решил, что его ведут в ущелье, чтобы бить, и стал вопить:

- Дядя Лятиф! Миленький! дядя Лятиф! Куда вы меня тащите?

Но Лятиф и Ага-Рашид молча тащили отчаянно отбивавшегося мальчика.

Услышав плач, косцы с соседнего луга прервали работу. Лятиф ладонью зажал мальчику рот.

- Смотри, мальчонка задохнется! - кричали косцы.

- Бога у вас нет! Причем тут ребенок?

«Угораздило же нас сейчас тащить мальчишку. Надо было забрать его ночью, без всякого шума», - думал Лятиф, кусая от злости губы.

Мурсал погнал своих ягнят в ушелье на водопой. Услышав истошный крик Бахара, он вздрогнул и насторожился: змея, что ли, ужалила Бахара или напал на него волк?.

Схватив палку, он устремился на крик. Высокие голые скалы чутко ловили крики Бахара и возвращали их пространству еще более громким эхом, словно призывая на помощь. Мурсал бежал со всех ног, пока не увидел своего друга, которого волокли куда-то юзбаши и Ага-Рашид.

Остановившись в недоумении и страхе, Мурсал вдруг заплакал, но потом, быстро вытерев слезы, бросился за юзбаши, чтобы разжалобить его и вызволить друга. На полдороги мальчик остановился, поняв бесполезность своей попытки, и побежал вниз по склону, прямо в деревню, сообщить матери Бахара.

Крики Бахара становились все тише и наконец затихли: мальчик выбился из сил. На каждого встречного он бросал взгляды, умолявшие о помощи, но люди проходили мимо, опустив голову, или отворачивались, бормоча про себя проклятия по адресу Ясара Лятифа.

Бахара притащили в сельскую канцелярию. Тут было несколько человек. Один из них, с седеющей головой и острыми, торчащими вверх усами, сердито набросился на юзбаши:

- Зачем обижаете мальчика? - и стал успокаивать всхлипывающего Бахара, гладя, его по голове. - Не плачь, детка, не плачь!

Бахару принесли хлеба, дали два куска сахару. Усатый наклонился к нему, приговаривая:

- Не плачь, детка! Зачем плакать? Мы тебя спросить хотим.

Сейчас отпустим, и ты побежишь к маме. На вот, это тебе на черешни! Не плачь...

Бахар молча оттолкнул плечом протянутую руку, в которой блестели две монетки, и низко опустил голову.

- Ты у кого работаешь? - спросил усатый. Бахар молчал.

У сатый поднял голову и, спросив у юз баши имя мальчика, снова мягко обратился к нему:

- Скажи, Бахар, сынок! Кто твой хозяин?

- Ильяс-бек! - ответил Бахар, утирая кулаками слезы.

- Ага, Ильяс-бек! Вот молодец! Ну, скажи, он много заставляет тебя работать? Не обижает?

- Нет!

Усатый повернулся, и что-то сказал стражнику, тот вышел.

- Ты пасешь у него ягнят, да? - продолжал свои расспросы усатый.

-Да.

- Значит, ягнят пасешь? Хорошо, а почему он не выдает тебе одежду?

-Дает!..

- Ах, дает!.. Значит, ты сам не надеваешь новую одежду, чтобы не износилась, так, что ли?

Не ожидая ответа, усатый задал другой вопрос:

- А отец твой где?

-Умер.

В этот момент в канцелярию вошел Ильяс-бек. Усатый выпрямился, кивнул Ильяс-беку на мальчика и отошел в сторону. Ильяс-бек сел на его место.

- Ого! - сказал он, придав голосу заботливый тон. - Зачем здесь мой пастушонок? - и ласково обратился к Бахару. - А ягнят на кого оставил, а?

Бахар молчал. Потом выговорил с трудом:

- Меня насильно увели...

- Кажется, он плакал? - участливо спросил Ильяс-бек и повернулся к усатому: - Бек, я с тобой поссорюсь! Кто обидел моего пастушонка? Разве можно обижать такого смирного мальчика?

Он у меня молодец!

Ильяс-бек положил руку на плечо Бахару.

- А на что ты потратил все деньги? - вдруг спросил он. Бахар молчал.

- На что ты потратил деньги? Ведь Мардан отдал тебе?

- Нет...

- Как не отдал? Я дал ему пять рублей и велел передать тебе.

Тут вмешался усатый:

- Бек, наверное, Мардану самому понадобились деньги. Может, у него был гость, иначе он не потратил бы денег Бахара.

- Нет, - вставил один из присутствующих. - Вероятно, он решил в городе купить брату сапожки. Не так ли, Бахар?

Ильяс-бек провел рукой по голове Бахара.

- У вас был гость? - спросил он вкрадчиво. - Что мать ему сварила?

Бахар поднял голову и посмотрел на бека. Казалось, он пытался понять и объяснить это непривычное обращение с ним, это участие, ласку, доброту. Переведя взгляд на усатого, он уловил на его лице обычную для господ надменную усмешку и снова опустил голову.

- Что варила мать?

-Ничего.

- Что же ел гость?

- Он не ел.

- А как зовут вашего гостя?

- Дядя Сурен.

Ответ мальчика обрадовал беков, и они сразу оживились, лица их про сияли, точно наконец решили какую-то трудную задачу. Это почувствовал и Бахар и с удивлением огляделся вокруг. Он заметил, как

Ильяс-бек радостно переглянулся с усатым и сделал знак глазами. То, что ему удалось вырвать у мальчика нужный им ответ, наполнило Ильяс-бека гордостью за свою изворотливость и искусство провокатора. Он закурил папиросу и сказал:

- Та-ак, значит, дядя Сурен, дядя Сурен... Да, Да! Я знаю его.

Мы с ним приятели. Он и к нам заходил.

Ильяс-бек многозначительно взглянул на усатого. Тот подмигнул ему: продолжай, дескать, в том же духе. Ильяс-бек продолжал:

- А кто еще был с дядей Суреном?

-Не знаю.

- А что это были за люди? Городские или из нашего села?

-Кто?

- Товарищи дяди Сурена.

-Я не видел.

- Ага!.. А что подарил тебе дядя Сурен?

-Ничего.

- Куда они ушли потом?

- На сенокос.

Ильяс-бек оглянулся на присутствующих. Все молчали. Усатый удовлетворенно закивал головой. Иль-

яс-бек подошел к нему и тихо, будто на ухо, произнес по-русски:

- Понятно, все понятно!..

Запыхавшись, Мурсал прибежал к Соне и рассказал о случившемся. Сона растерялась. Она поняла, что у Бахара хотят что-нибудь выведать о его брате, бесхитростный ребенок может сказать что-нибудь лишнее.

Она побежала в канцелярию, не успев обуться, не накрыв головы.

Во дворе стояли привязанные у столба лошади. У двери толпились крестьяне. Стражник остановил Сону:

- Ты куда, баба?
- Юзбаши здесь?
- Он занят.
- У меня к нему дело, пусти.
- Нельзя, говорят!
- У меня важное дело.
- Сказано, нельзя.
- А ребенка мучить можно?

Сона оттолкнула стражника в грудь и вбежала в коридор.

- Стой! Стрелять буду!

Но Сона не слышала, что кричал ей стражник, она яростно стучала в дверь канцелярии. Тут подбежали стражники и оттеснили женщину к выходу. Народ заволновался. Из комнаты выскочил юзбаши.

- Что за шум? Не даете работать!

В этот момент в дверях показался Бахар. Услышав голос матери, бледный, он кинулся к ней с криком:

- Мама!.. Мамочка!..

Глава третья

СРОЧНАЯ МЕРА

Пес с многочисленной родней волка осилит.

Азербайджанская пословица

Окончив допрос, районный следователь Мешади-Мусеиб-бек уехал. А на другой день чуть свет в селение Гюней прискакал отряд конных стражников.

Быстрота, с которой в Гюнее за последние дни развивались эти неожиданные события, встревожила многих; тихая деревушка, раскинувшаяся в стороне от больших дорог, у маленького озера, под сенью высоких кленов, карагачей и ив, превратилась вдруг в место притяжения конных отрядов, приставов, начальников, следователей.

Юзбаши Ясар Лятиф разрывался на части: ведь начальники-то приезжали не по одному, не по два, а сразу целыми группами. Тут были и большие начальники, которые за всю жизнь не ступали ногой в Гюней, здесь были и опытные проводники, специально вызванные из селения Багбанлар. Каждого на-

www.kitabxana.net və YYSİB-nin müştərək nəşri

до было встретить, каждому - поддержать стремя. Правда, Ясару помогали богатеи села, гаджи и аксакалы, но все-таки он в конце концов растерялся.

Воздух сотрясали своим заливистым ржанием скакавшие по улицам села и поднимавшие густые клубы пыли лошади всевозможных пород и мастей. Фаэтоны застревали в узких переулках.

Люди то и дело собирались кучками, чтобы обменяться мнениями. Со двора сельской канцелярии доносились ругань, крики, плач.

Аксакалы и молы не успевали отвечать приезжим.

Одним словом, село напоминало место военных действий. Некоторые склонны бьши объяснить всю эту сумятицу общими беспорядками, другие полагали, что аллах разгневался на своих грешных рабов, но большинство считало, что во всем виноваты беки и правители, вконец потерявшие совесть и творившие всякие беззакония. И люди не успевали определять, какая из этих точек зрения верна, а события в Гюнее все развивались, следовали одно за другим и принимали все более устрашающий характер.

Всегда начиналось с того, что у мельницы заливались собаки, первыми встречавшие приезжих. И когда по селу разносился конский топот, Ясар-юзбаши,

Гаджи-Ибрагим-Халил и Фазиль-молла тотчас выбегали, чтобы приветствовать приезжих.

Однажды Ясар Лятиф заметил среди прибывших участкового пристава Ага-бека и очень обрадовался этому. Он не сомневался, что пристав уже слышал о его усердии и знает, как он поймал в поле и привел Бахара на допрос, как произвел обыск в сакле Мардана, какой шум поднял вокруг этого дела. Юз баши надеялся на благодарность начальства. В этой надежде Ясар, опередив слуг, подбежал к лошади Ага-бека. Улыбаясь и кланяясь, он протянул ему руки и сказал подобострастно:

- Добро пожаловать, господин пристав!

Юзбаши ожидал, что пристав похвалит его, спросит совета, поделится своими соображениями. Но Ага-бек окинул его угрожающим взглядом.

- Сволочь, ты еще смеешь мне руки протягивать! - крикнул он. - Большевики тут все село захватили, а чего смотришь, баба поганая?! Средь бела дня избивают почтенного гаджи, а ты сладко спишь в мягкой постели!..

Пристав перекинул через седло свою толстую ногу и опустился на землю. Испуганный и сконфуженный, юзбаши отошел в сторону.

С приставом приехал турецкий офицер по имени Нашат-эфенди, специально прикомандированный из Гянджи. Это был жестокий и страшный человек. Каждого встречного он угощал плетью, на всех кричал так, что в ушах звенело. Он набрасывался на людей с таким озлоблением, что казалось, - жаждал крови.

Гаджи-Ибрагим-Халил пригласил гостей к себе. В доме у него всегда были наготове комнаты для важных лиц, приезжавших в село.

С крыши саманника Ильяс-бека Бахар видел, как грозный юзбаши лебезит перед мужчиной в газырях, словно собачка, виляет хвостом, извивается ужом.

А что случилось с Гаджи-Ибрагим-Халилом?

Человек этот носил хорасанскую шубу, опирался на палку с янтарным набалдашником, щеголял в бухарской папахе. Обычно он степенно восседал у своих ворот, оглаживал холеную крашеную бороду и даже не отвечал на поклоны селян. А теперь гордый гаджи в три погибели согнулся перед каким-то мелким турецким офицером, указывая ему на свой дом, угодливо просил:

- Пожалуйте, достопочтенный! Мы готовы служить вашей светлости! Гаджи-Ибрагим-Халил - ваш покорный слуга!

Стражники и чиновники завладели селом. Богачи всячески заискивали перед ними. Жители селения, собравшись вечером на площади, гадали, чему обязаны таким нашествием Пришельцы слонялись по селу, пугая ребят. Один из стражников остановил крестьянина, который погонял осла, нагруженного двумя тяжелыми корзинами, и запустил руку в корзину.

- Почем молодые огурчики? - спросил он, доставая из корзины горсть сочной алычи.

Отведав алычи, он помахал рукой своим приятелям и крикнул:

- Эй, друзья! Сюда! Живо!

Сообразив, что от его фруктов ничего не останется, крестьянин подхлестнул осла. Но стражник ухватился за корзину, и осел остановился.

Оторопевший крестьянин уставился на стражника. Тот рассердился:

- Ты чего глаза пялишь?

- Хан! - ответил крестьянин. - Я удивляюсь твоей силе: ты сильнее осла!

Стражник самодовольно ухмыльнулся и начал обеими руками набивать карманы алычей. Его примеру последовали другие.

- Хан! - взмолился крестьянин. - А кто платить будет?

Стражники громко загоготали:

- Хазрат-Аббас', в просторном, богато убранном коврами доме Гаджи-Ибрагим-Халила шел пир горой.

Гаджи ничего не жалел, лишь бы угодить гостям, щегольнуть своим богатством.

На заднем дворе конюхи засыпали ячмень лошадям. Слышалось громкое ржание.

На переднем дворе суетилась прислуга. Этот двор, окруженный высокой стеной, славился по всей округе. По углам его красовались оленьи рога. Деревья здесь разрослись так пышно, что за ними не видно было дома. Густые, ветвистые яблони, абрикосовые, персиковые и грушевые деревья издали казались гигантскими букетами. Посреди двора в большом бассейне плескались утки и гуси. Голубям, уютно устроившимся под кровлею дома, не было счета. Гаджи любил слушать их воркование, но сегодня ему было не до голубей. Он следил за тем, чтобы каждое желание его гостей тотчас удовлетворялось. Слуги вспарывали мешочки с ханским рисом и сыпали его в котлы. В коровьих желудках таскали из погреба топленое масло.

Час назад лавочник Ага-Алескер, вытянул толстую шею, заявил покупателям:

- Товар отпускать не буду. Лавка в распоряжении Гаджи-Ибрагим-Халила.

Слуги выносили из лавки целыми мешками изюм, албухару, каштаны, абрикосы. В лавчонке не оказалось запаса шафрана и лимонной кислоты, и за ними отправили гонца в соседнее селение.

Водоносы от усталости валились с ног, потому что повара требовали целые реки воды; она исчезала с такой быстротой, словно уходила через прорвавшуюся плотину. Развели костры, повесили над огнем котлы. Повара засучили рукава. Зазвенели огромные ножи, шумовки, ложки.

На крюке висела баранья туша, ее свежевал мясник. В ожидании турачей уже успели зарезать и ощипать четырех индюков.

Аромат шафрана смешивался с запахом шашлыка и жаркого. Прохожие останавливались у ворот и глубоко вздыхали. Гаджи с трубкой в зубах то и дело выходил на веранду, чтобы насладиться впечатлением, которое произвело его гостеприимство.

На лице его было написано:

«Поглядите, какие у Гаджи друзья! Одного знака его достаточно, чтобы полсотни таких, как вы, оборванцев, запереть в хлев!»

Он старался показать городским гостям, что и в деревне есть люди с «европейским» вкусом, понимающие толк в «европейской» роскоши.

«Хотя меня и не провели в парламент, - думал Гаджи, - но это ничего не значит. Наступит день, когда в трудную минуту господа из Баку вспомнят о Гаджи и придут к нему за деньгами» Гаджи отдавал себе отчет в том, кто находится у него в гостях.

Это был пристав, хозяин всего участка: слово его - закон. Государственные чиновники, это Гаджи знал хорошо, любят поесть и выпить, только не у себя, а у других, они любят чужую щедрость и хлебосольство.

Не разорюсь, если потрачу сегодня полтысячи рублей, - думал Гаджи:, - зато завтра, когда в Баку будут распределять блага власти, этот человек может, между прочим, сказать: вот, дескать, есть еще такой Гаджи-Ибрагим-Халил. И этого будет с меня достаточно. Вместо пятисот привалит мне пять тысяч. Я хорошо знаю, когда и где надо тратить деньги».

Честолюбивые мечты еще более воодушевляли хозяина. Он расхаживал среди гостей. Отовсюду неслись его приказания:

- Живо! Принеси! Унеси! Подай воды!

В комнату влетел слута Мехти, неся в одной руке высокий серебряный кувшин с длинным носиком, а в другой - серебряный таз. Через плечо у него было перекинуто полотенце с вышитыми на концах петушками. Замедлив шаг, слута поплыл по керман-шахсому ковру, устилавшему пол. Подойдя к приставу, он опустился перед ним на одно колено и, подставив тазик, стал лить теплую воду на белые пухлые волосатые руки.

Посреди комнаты слути расстелили длинную узкую скатерть из шерстяной ткани; скоро на ней стало тесно от блюд. Гаджи приказал подать свою лучшую посуду, и гости не могли оторвать глаз от обеденного сервиза гаджи: вся фарфоровая посуда - от огромных блюд до малюсеньких розеток - была специально заказана фабрике и имела вензеля гаджи; ножи, вилки, ложки бьии из золоченого серебра. Они тоже были сделаны по особому заказу; на всех предметах имя владельца было искусно вырезано древними куфийскими письменами.

Гаджи-Ибрагим-Халил был очень тщеславен. Ему хотелось, чтобы везде и всюду говорили о его богатстве, гостеприимстве, щедрости, довольстве. Хоть он и жил в селе, но свой дом обставил и обеспечил так, что, соберись у него полно гостей, и то не придется идти к соседу за какой-либо мелочью. Всего у него было вдоволь.

Одних самоваров - больших и малых - у него было одиннадцать: для особо почетных гостей, для званых обедов, для религиозных обрядов, для благотворительных целей. И для каждого назначения по паре самоваров: белый и желтый, белый и желтый.

Лишь у домашнего самовара не было пары, и то по настоянию Гаранджи-ханум, которая не любила парных вещей и четных чисел.

Будь у нее возможность, она отказалась бы даже от одного глаза, чтобы не иметь пары.

Несмотря на всю помпезность этого ужина, Ага-бек был мрачен. Он сидел в почетном углу, облокотясь на диванный валик, курил папиросу за папиросой; дым от них не успевал расходиться.

Чем-то весьма озабоченный, участковый пристав даже не замечал приготовлений к пиру.

Прими его гаджи с такой роскошью при других обстоятельствах, в другое время, возможно, при став

подарил бы ему своего рыжего коня, которого любил больше брата, или тут же назначил его старостой села.

А теперь...

Теперь все хлопоты в этом доме казались приставу мышиной возней. Он был настолько расстроен, что свет ему был не мил. И на это было достаточно причин.

Выезжая из города, Ага-бек и его свита вовсе не думали, что попадут в селение Гюней. Они даже не помнили о его существовании, потому что среди семидесяти одного села их участка Гюней занимал столь незаметное место, что нелепо было бы требовать от такого крупного чина, как Ага-бек, чтобы он помнил о Гюнее.

У пристава было очень важное дело.

В прошлом месяце из второй роты гянджинского полка дезертировали семь солдат. Спустя некоторое время у кяргиза 1 Агалык, в пяти километрах от Гюнея, был убит начальник управления Халил-бек.

Гянджинский губернатор, так именовали при мусаватистах уездных начальников, сильно встревоженный этими событиями, поручил Ага-беку изловить дезертиров и разыскать убийц Халил-бека. В распоряжении пристава находился отряд конной полиции

из девяти человек. Ага-беку дали понять, чтобы он не показывался на глаза, пока не найдет «изменников правительству религии и нации».

Ага-бек рассчитывал вначале легко справиться с этим поручением: через каких-нибудь два-три дня он пригонит К губернатору убийц со связанными руками и получит повышение по службе.

Но дело обернулось совсем иначе. Убийц не находили, хотя пристав совершил набег уже не на одну деревню и арестовал немало людей, внушавших ему подозрения. Среди них были близкие и дальние родичи дезертиров; их пороли, истязали, но они упорно стояли на своем, утверждая, что не видели дезертиров и не знают, где те скрываются. Пристав неистовствовал; крестьяне озлобились, и отряд Ага-бека был дважды обстрелян в открытом поле. Одного стражника убили, лошадь пристава ранили. Пристав уже не рисковал выезжать из села ночью.

Наконец при став изменил тактику, стал действовать уговорами.

- Вы только приведите ко мне этих людей, - говорил он крестьянам, - а я обязуюсь спасти их от наказания, добьюсь у начальства прощения. Клянусь своим чином, верьте мне, братья-мусульмане!

Народ продолжал стоять на своем:

- С того дня как их забрали в солдаты, мы их не видели. О том, что они бежали, впервые слышим, да нам и не до них. Дни и ночи мы заняты своим делом, откуда нам знать, что делается в других местах?!

Ага-бек вынужден был по телефону сообщить о положении дел губернатору. Тот, выслушав донесение, тихо кашлянул в трубку и ответил:

- Очевидно, ты слишком мягко обращаешься с мужичьем.

Пока с них не спустишь шкуру, ничего не выйдет. Посылаю тебе в подмогу Нашат-эфенди и требую, чтобы изменники были немедленно пойманы.

- Слушаюсь! - отчеканил пристав, щелкнув каблуками, и повесил трубку.

Он долго ходил по комнате, кусая губы и вырабатывая мысленно план действий. В этот же день к вечеру прибыл Нашат-эфенди с двумя стражниками.

Посовещавшись вдвоем, они решили взять на учет все села и жителей в радиусе четырнадцати верст от кягриза Агалык, места, где было совершено преступление. В списке крестьян против имени каждого из них указывал ось его занятие, возраст и «образ мыслей». Приступили к действиям.

Прибыв в какое-нибудь село, Ага-бек вызывал к себе юзбаши, моллу, аксакалов, то есть богатеев, и уст-

раивал коротенькое совещание, на котором составлялся список всех «безбожников, разбойников, воров, неспокойных и сомнительных людей», которых затем арестовывали и запирали в хлев. После этого все население сгонял ось во двор мечети, арестованных поодиночке приводили туда и пороли розгами. Во время порки пристав обращался к избиваемому со словами:

- Назови убийцу Халил-бека и тем спасешь себя! Назови имя и пойдешь домой!

Все окрестные села пришли в волнение. Дворы огласились плачем женщин. Один старик, не выдержав истязаний, умер под розгами. Многие крестьяне, бросив свои дома, бежали в горы.

Некоторые села послали к губернатору ходоков с жалобой на пристава.

А пристав и Нашат-эфенди продолжали свое дело.

- Будем драть, даже если подохнут все! - решительно говорил Нашаг-эфенди.

Каждый вечер стражники нарезали гибких тонких прутьев с зеленых кизиловых или гранатовых кустов. Лица, против имен которых не стояло никаких знаков, предупреждались заранее, чтобы наутро явились во двор мечети.

Так прошли через порку уже три селения. Но все было безрезультатно. Избиваемые крестьяне вслух поносили и власть, и убитого, и тех, кто знал убийц, но не хотел их выдать.

Узнав о бегстве Мардана, Гаджи-Ибрагим-Халил набросился на юзбаши, упрекая его в том, что тот упустил «большевика и нечестивца».

- Когда пес нерадив, зайчиха в самой конюшне зайчат выводит! - кричал Гаджи. - Будь ты настоящий юзбаши, все эти марданы и пикнуть бы не смели. А ты только взятки брать умеешь!..

Юзбаши Ясар боялся ссориться с Гаджи и сильно забеспокоился. Но что он мог сделать, когда Мардан находился вне его досягаемости?

Показания Бахара были сообщены тогда приставу в «срочном рапорте».

«Прошлой ночью, - писал участковый следователь, - в селении Гюней скрывались большевики, кои, прослышав о приезде вашего благородия, бежали в неизвестном направлении. Как установлено, самый неспокойный человек из голытьбы указанного селения, некий Мардан, сам состоит в большевиках и скрывал в своем доме большевиков - Сурена и других. Смею доложить без преувеличения, что все преступления и непорядки, кои наблюдаются по участку, являются

следствием преступной деятельности означенных лиц, кои сеют смуту, нарушая общественную тишину и порядок, о чем честь имею донести вашему благородию». К этому рапорту было приложено письмо Гаджи-Ибрагим-Халила.

«Враг исламского правительства Мардан безусловно замешан в убийстве Халил-бека, - сообщил гаджи приставу. - Это подтверждается фактом его бегства и не подлежит никакому сомнению.

Все население просит исламское правительство о строжайшем наказании нечестивых большевиков и босяков, как Мардан. Все почетные лица в один голос просят вас решить, кому жить в нашем селении: нам или Мардану».

Сообщив содержание обоих этих посланий Нашату-эфенди, Ага-бек щелкнул пальцами.

- Ну, приятель, банк - наш!

Нашат-эфенди поднялся и стал застегивать пояс.

- В дорогу, друзья! - сказал он. - Прямо в Гюней.

Вот так Ага-бек со своим отрядом и попал в селение Гюней, куда и не думал даже заезжать.

Здесь Ага-бек первым долгом справился о Мардане и, узнав, что тот так и не возвращался в село, сразу пал духом.

«Если губернатор проведает, что убийца до вчерашнего дня разгуливал по деревне, мне не поздоровится», - думал он. Ага-бек представлял себе, как губернатор будет распекать его. «Голубчики мои, - скажет он, - убийца тут под самым вашим носом избивает почтенных людей, а вы разгуливаете по другим деревням и наслаждаетесь пловом с курицей!»

Чем больше думал пристав о неминуемой встрече с губернатором, тем тяжелее становилось у него на душе. Зато Гаджи ходил гоголем. Его прямо распирало от гордости, что записка произвела такой эффект: не всякому удается вызвать столько начальства и стражников. Глядя на этих молодцов, обвешанных оружием, слыша стук прикладов, он уже мнил себя владыкой всего района...

Стражники согнали население Гюнея во двор юзбаши. Народу было полно, многие забрались на крыши соседних домов, женщины и дети стояли поодаль, на улице.

Поглядывая на окна дома, где собралось начальство, крестьяне гудели от нетерпения. Зачем их тут собрали? Ждет в поле работа, надо позаботиться о поливе, косить траву, нарезать тутовых веток для шелковичных червей, жать ячмень. Бездельное времяпрепро-

вождение в такое горячее время вызывало раздражение.

Лица крестьян были хмуры. Кое-кто, не сдержавшись, проклинали начальство. Указывая взглядами на окна юзбаши Ясара, тихо говорили:

- Этот сын свиньи оставит нас в нынешнем году без хлеба.

- Пока они у власти, не видать нам светлого ДНЯ. А как поступить, не знаю.

- Камень, оторвавшийся от скалы, непременно упадет на голову крестьянина.

Эти люди, плохо разбиравшиеся в политике и никогда ею не интересовавшиеся, труженики, встречавшие утреннюю зарю в поле, а вечерние сумерки на гумне, готовы были перебраться куда угодно, хоть в неприступные горы, лишь бы там не ступала нога стражника, духу не было этого начальства.

- Подальше бы от этих извергов! - говорили они.

Некоторые из крестьян интересовались, как живут в других селах, и приходили к убеждению, что там ничуть не лучше: в каждом селе имеется свой Ясар Лятиф и нет житья беднякам и батракам. Кто-то вспомнил о городе:

- Кабы не семья, бросил бы все и ушел в Баку ...

- А там разве нет начальников? - спросили его.

- Есть, но не такие.
- И там все те же беки и ханы, какая разница?
- Разница такая, что там рабочих много и все они действуют заодно. Там русские рабочие, они умеют постоять за себя. Их беки побаиваются, не особенно рискуют распоясываться.
- У трусливого волка зуб остер.
- В Баку по этим острым зубам бьют железным молотом.

В сельской канцелярии происходило важное совещание: богатеи совместно с городским начальством перебирали имена крестьян, намечали, кого надлежит выпороть.

Солнце поднялось уже высоко. Воздух накалился, было жарко и душно. Крестьяне теснились у стены, где было хоть немного тени.

Наконец на балконе появились Нашат-эфенди с плетью в руке, чиновники, Лятиф, стражники.

Толпа на дворе пришла в движение. Сидевшие встали, находившиеся в конце двора подошли ближе, все сбились в плотную кучу и стали смотреть на балкон.

Отворилось окно комнаты, где происходило совещание, и показалась лысая голова пристава. Безмолвно он смотрел на крестьян, которые повернулись теперь к нему.

При став смотрел долго, словно требуя своим взглядом всеобщей тишины и внимания, но в этом требовании не было необходимости, потому что утомленные ожиданием люди молчали, устремив глаза на представителя власти.

Пристав стоял, опершись волосатыми руками о подоконник и подавшись всем туловищем вперед. Всем своим видом он напоминал в эту минуту феодального хана прошлого столетия, когда от властелина зависели жизнь и благополучие тысяч и тысяч людей.

Не хватало приставу лишь красной чохи. Он был в черном архалуке, через всю грудь тянулась золотая цепочка от часов с болтавшимися на ней брелоками. Белый крахмальный воротничок подпирал жирный подбородок.

Ага-бек долго стоял так, словно давая крестьянам время досыта наглядеться на него. Наконец он заговорил. Но его было плохо слышно: в одной из деревень после горячей речи он простудил горло и охрип. Люди проталкивались к окну, оставшиеся позади спрашивали у соседей, о чем говорит пристав, поднялся шум. Ага-бек широко разевал рот, напоминая собаку, лающую с другого берега бурной реки. Но оттого, что пристава не было слышно, власти ни-

чего не теряли и «дело» нисколько не страдало, потому что все было уже подготовлено и исполнителям даны точные инструкции.

А пристав говорил как раз о мерах, которые через минуту должен был проводить Нашат-эфенди, горевший желанием поскорее приняться за дело.

Едва пристав закрыл рот, Нашат-эфенди встал на стул и развернул большой лист бумаги.

- Все, кого я назову, - сказал он с сильным турецким акцентом, - пусть перейдут на эту сторону, к хлеву.

Никто ничего не понял. Тогда выступил юзбаши и стал объяснять:

- Сейчас Нашат-эфенди будет читать список. Кто услышит свое имя, пусть идет сюда, где я стою.

- А что там будет, на твоей стороне? - спросил кто-то из толпы.

- Ничего особенного, - ответил юзбаши. - Бог помилует тех, кто будет на моей стороне, авось с ними ничего не случится!..

Нашат-эфенди стал оглашать список:

- Мейданали Ганбар-оглы!

Мейданали, малый саженного роста, услышав свое имя, покраснел, растерялся и беспомощно затоптался на месте.

- Мейданали Ганбар-оглы! - крикнул юзбаши. - Почему не отвечаешь?

- Что отвечать? - удивленно сказал Мейданали. - Мейданали я и есть ...

Юзбаши поманил его рукой:

- Переходи на мою сторону.

Мейданали покачал головой и сказал, обращаясь к Нашат-эфенди:

- Я не перейду на сторону юзбаши! Я никогда не буду на его стороне.

Пристав не мог удержаться от смеха. Лятиф густо покраснел.

Покраснел не оттого, что пристав смеялся, а потому, что другие заметили этот смех. А не заметить его было трудно. Даже стоя за спиной пристава, можно было видеть, что он смеется или даже только собирается засмеяться. Сперва начинало трястись туловище, похожее на мешок с мукой. Это было сигналом: где-то внутри этой туши возник смех. Казалось, можно было про следить его путь и точно предсказать мгновение, когда он вырвется наружу.

Чтобы не терять времени, Нашат-эфенди сказал Мейданали:

- Хорошо, стань у хлева.

Следующим вызвали Акбера Абуш-оглы.

- Его нет! - раздались голоса. - Повез больного в город.

- Мешади- Гашим Кербалай- Кадим-оглы.

- Он на мельнице с вечера зерно мелит.

- Мешади-Муртуз Кисмет-оглы ...

Этого тоже не оказалось.

- Мы знаем, почему они не явились! - сказал юзбаши, не ожидая объяснения из толпы. - Ладно, пускай, мы с ними потом. Но Ясару не хватило смелости, чтобы закончить фразу.

- Гариб Наиб-оглы...

- Тапдых Садых-оглы...

Крестьяне, услышав свое имя, поодиночке переходили к хлеву и останавливались у стены. Наконец список был исчерпан. Крестьяне, не вошедшие в него остались на месте. Началась порка вызванных. Стражники валили обреченного наземь и били розгами или палками по ногам, по спине, по плечам.

Когда очередь дошла до старика Мовлама, тот завопил:

- Стойте!..

«Наконец-то нашли! - обрадовался Нашат-эфенди. – Этот старичок расскажет нам, под каким стогом спрятано оружие Халил-бека и где искать убийц».

Нашат-эфенди бросился к старику Мовлану и помог ему подняться на ноги.

- Говори, отец! - сказал он торопливо. - Говори, ничего не скрывай!

Мовлан был худой, слабый старик. За всю его долгую жизнь ни разу на него не подняли руки.

Порка вначале показал ась ему простой забавой, придуманной для острастки; он не сомневался, что выпорют одного-двух наиболее подозрительных крестьян, а остальных отпустят. Но когда его схватили за плечи и круглолицый, здоровенный стражник стал связывать ему руки, старик Мовлан громко вскрикнул и едва не лишился чувств.

Нашат-эфенди, чуть не обнимая его, шептал вкрадчиво:

- Говори, отец! Говори, не бойся!

Старик Мовлан посмотрел в лицо турка-офицера, затем перевел взгляд на толстую палку, которую минуту назад занес над ним стражник, и сказал:

- Господин! Один удар такого здоровяка прикончит меня.

Скажи же, за что меня хотят убить?!

Нашат-эфенди вышел из себя.

- Нашел время для расспросов! - крикнул он и сделал знак.

Стражники швырнули Мовлана на землю и начали избивать. Старик жалобно стонал. Эта жестокость переполнила чашу терпения. Из толпы послышались крики:

- Да чтоб руки у вас отсохли!
- Пропади вы пропадом!
- Проклятие такой власти!
-Злодеи!
- Чтоб не знать вам радости!

Желая заглушить эти крики, Нашат-эфенди все время кричал стражникам:

- Бей! Бей! Крепче бей нечестивца!

Внезапно, словно с неба, во двор упало что-то сильное и подвижное. Это был Якуб, девятнадцатилетний сын старика Мовлана. Он спрыгнул с крыши хлева и мгновенно очутился перед стражниками. Растолкав их, он ударил одного из них в висок зажатым в кулаке камнем. Тот свалился. Затем Якуб быстро поднял отца, взвалил себе на плечо и двинулся к воротам. Нашат-эфенди бросился за ним, но тут вмешались женщины и преградили ему дорогу. Крестьяне тоже сбились в кучу и не дали ему развернуться.

Пристав что-то крикнул из окна, стражники схватились за оружие. Однако Якуб уже успел скрыться вместе с отцом.

Воспользовавшись суматохой, разбежались и остальные приговоренные к порке крестьяне. Один из стражников пытался остановить их, но кто-то дал ему подножку, и тот упал. Другой выстрелил в воздух, но тщетно: никого уже нельзя было удержать...

Экзекуция в Гюнее не дала никаких результатов, только еще более взбудоражила крестьян, которые все громче и громче говорили о мщении. Якуб устроил отца дома, а сам скрылся из села, послав сказать юзбаши, что вырежет всю его семью, если тот посмеет близко подойти к его родным.

До позднего вечера при став совещался со своими приближенными, разрабатывая новые меры против крестьян. Много было выслушано и обсуждено предложений, но ни одно из них не оказалось приемлемым. Наконец выступил хозяин дома Гаджи-Ибрагим-Халил.

- Как вы думаете, бек, - обратился он к при ставу, - не заставлять ли их всех по клясться на Коране? Пусть поклянутся, что ничего не знают. Набожные люди говорят...

Оцужный смех прервал речь хозяина. Пристав сказал:

- Видно, Гаджи, ты еще недостаточно знаешь это мужичье. Когда разграбили дом Аллахъяр-бека, они не пощадили и Корана, изрешетили его пулями. О какой клятве ты говоришь? Они теперь больше нас с тобой знают. В этом не сомневайся!..

В разговор вмешался следователь Мешади-Мусеиб-бек.

- Конечно, все это меня, в сущности, не касается. Мой долгследствие. Я не имею права вмешиваться в ваши дела, и попал-то я сюда совершено случайно. Но совесть заставляет меня высказаться. Меры, которые вы тут проводите, меня лично не удовлетворяют, и я думаю, что не удовлетворяют они и господина губернатора Худадад-бека, если он о них узнает...

Пристав полулежал в конце комнаты, облокотившись на мутаку, и играл в карты с Нашатом-эфенди. Перед ними были разбросаны пачки мусаватских бон по сто и пятьдесят рублей. Они были настолько увлечены игрой, что многого не слышали, а тому, что слышали, не придавали значения. Однако слова Мешади-Мусеиб-бека пристав не мог пропустить мимо ушей. Черт его знает, вдруг этот следователь близок

к губернатору? По должности нельзя судить. Мусаватское правительство, в конце концов, опирается не только на военных! А ну, как этот самый следователь напишет о своем мнении лично Худадад-беку?

- Почему эти меры не удовлетворяют вас? - спросил пристав.

- Да потому, что вы оставили корень и рубите ветки, забыли об огне и тешитесь пеплом. Выпороли человек тридцать, а проку ни на грош. Между тем главный виновник известен. Это, несомненно, Мардан...

Пристав покачал головой.

- Я слыхал о чиновниках министерства юстиции, что они не блещут умом, - сказал он с усмешкой. - Оказывается, это сущая правда. Какой же вы легковерный человек!..

Пристав посмотрел вокруг, поднялся и, сунув руки в карманы брюк, вышел на балкон. Довольный собой, он походил немного по балкону и снова вернулся в комнату. По всему было видно, что он хочет поговорить о Гаджи, но не знает, как это сделать, чтобы не обидеть его.

Теперь вы понимаете, почему Якуб осмелился уволочь отца из-под вашего носа. Кто-то вселяет в него эту смелость... В другое время дядя Сурен не решил-

ся бы показаться в мусульманской деревне. Но у него была своя цель, задача. Его послали сюда, и послали по важному делу. Это не подлежит никакому сомнению.

- Промахнулись мы, промахнулись! - скорбно признал пристав правоту следователя. - Они сбежали ... Как тут быть?

- Как быть? Вот как: я утверждаю, что Сона, мать Мардана, знает, где скрываются ее сын и Сурен. Прикажите завтра поджечь дом Мардана, арестуйте и мать, и мальчика, брата его, пригрозите им смертью, тогда вы получите точный адрес опасных преступников

- Поджечь! - промычал юзбаши. - А как по шариату?..

- Шариат велит казнить вероотступника! Всякого, кто путается с такими, как Сурен, надо беспощадно уничтожать, - успокоил его следователь.

После такого решительного разъяснения наступило молчание, и казалось, этим все присутствующие скрепляли, словно черной печатью, приговор следователя.

Первым нарушил молчание пристав.

- Ладно, - поднял он голову, - пусть будет по-вашему, завтра испробуем и это. Я готов сжечь не

один дом, целую деревню, лишь бы заполучить преступников. Если я не поймаю убийцу Халил-бека, всю жизнь буду чувствовать себя виноватым перед его памятью и не посмею поднять глаза на господина Худадад-бека. Скоро месяц как я не знаю не сна, ни покоя, бьюсь над этой задачей.

Затем он обратился к Ильяс-беку и Ясару Лятифу:

- Эй, вы, трефовая двойка! Поручаю это дело вам. Утром пусть задымится это волчье логово. А старуху приведите прямо ко мне.

- Мешади-Мусеиб-бек прав, слов нет, - заговорил тогда Мардан побил Гаджи, - заговорил при став тихо, но уверенно. - Но какое отношение имеет это к государственным делам? Не ради этого мы приехали сюда. Мы приехали по срочному распоряжению военных властей. Нам надо разыскать убийц Халил-бека, разыскать, где бы они ни скрывались, хоть на седьмом небе или в седьмой преисподней, разыскать во что бы то ни стало. Мы должны также поймать и примерно наказать дезертиров. Вот наша задача. А теперь, скажите на милость, есть ли в этом селении хоть намек на присутствие дезертиров или убийц Халил-бека?

- Почтенный Ага-бек, - прервал его Мешади-Мусеиб-бек. - Не случайно, совсем не случайно

Мардан избил Гаджи-Ибрагим- Халила. Все это не так просто. Я своими ушами слышал. Вот и юз баши при этом был. Что сказал мальчик на допросе? Ребенок не может лгать. Ты же сам слышал, что он сказал.

Мешади-Мусеиб-бек ждал ответа юзбаши Ясара. Тот смутился. Не потому, что не помнил показаний мальчика, нет, он смутился потому, что не знал, кого из спорщиков поддерживать, кто из них окажется сильнее, на кого лучше опереться.

- Ведь при тебе допрашивали мальчика? - не отставал от него Мешади-Мусеиб-бек. - Что он ответил Ильяс-беку?

- Это верно, бек! - пробормотал юзбаши. - Мальчик сказал, но...

- Что сказал?

- Сказал, что дядя Сурен у них был.

- А кто такой дядя Сурен? - спросил Мешади-Мусеиб-бек, обратившись к приставу, и сам ответил: - дядя Сурен - это примкнувший К большевикам армянин из Баяна или Баназура. Только случай помог ему спастись от карающей десницы нашей доблестны армии! Вот кто такой дядя Сурен!

Ильяс-бек. - распоряжение для нас свято, мы готовы исполнить его, но, если вы позволите, я тоже выскажу свою мысль.

Пристав хотел остановить его, но, подумав, кивнул головой:

- Ну, говори!

Ильяс-бек действовал всегда осторожно, говорил толково и убедительно. Он немного знал Мардана. Еще вчера он прогнал его брата, Бахара, сказав ему:

- Ступай, пусть дядя Сурен тебя кормит!

Ильяс-бек стал быстро перебирать янтарные четки. Пристав взял у него четки и, щелкая ими, произнес:

-Твой ход!

- Я думаю так! - неторопливо сказал Ильяс-бек. - Поджог дома и арест мусульманки и ребенка про изведет плохое впечатление на ближние села, я уж не говорю о нашем селе. Конечно, если бы у нас была уверенность, что мы выпытаем что-нибудь у Соны, тогда другое дело. Но я полагаю, что этим мы только восстановим против себя народ. А Сона ничего нам не скажет. Она ничего не знает. Это простая, тихая женщина. Может быть, сын ее и примкнул к большевикам, спорить не стану, но я уверен, что он не

сказал об этом матери. Мардан не так глуп, чтобы доверить свою тайну женщине, будь она ему трижды мать.

- Что он глуп, в этом сомненья нет, - вставил Мешади- Мусеиб-бек. - Считать умным того, кто изменил исламу, в некотором роде политическая ошибка

Ильяс-бек слегка смутился, но продолжал:

- Пусть будет по-вашему, не стану спорить. Я хочу предложить вот что: если вы согласитесь со мной, мы не тронем ни дом Мардана, ни его мать, ни его брата, уедем из этой деревни, займемся другими. Ведь мы еще во многих деревнях не побывали. Если там удастся выведать что-нибудь, - ладно, дело в шляпе. А нет, то опять вернемся сюда. А за это время и Мардан, и его мать, и прочие почувствуют себя в безопасности, успокоятся, может, Мардан даже вернется сюда. Тогда мы и схватим виновных: а ну, голубчики, отвечайте за свои грехи! По-моему, так будет лучше. Если же мы здесь начнем жечь дома и хватать женщин, люди встревожатся. И без того немало народу бежало из села.

Ильяс-бек повернулся к приставу и, поглаживая усы, спросил:

- Не знаю, как вы посмотрите на это?

Мешади-Мусеиб-бек опередил пристава:

- Ильяс-бек дело говорит!

- И мне это нравится! - отозвался пристав.

Юзбаши Лятиф тоже хотел сказать что-то, но пристав даже не взглянул на него. Усевшись на ковре, он подозвал к себе Нашаг-эфенди, подвинул к нему колоду карт и сказал:

- Твоя очередь, сдавай!..

Глава четвертая

ЧУЖБИНА

Добрых друзей и мечом не разделишь…

Азербайджанская пословица

Мардан и Сурен не виделись целых два года. Мусаватисты и дашнаки прервали всякую связь между горными и равнинными селениями.

Мардан был сердечно рад встрече с названым братом, хотя время для посещения оказалось очень неудобным.

Когда они покинули деревню, была уже ночь - темная, хоть глаз выколи. Движение на улицах деревни замерло. Если бы не тусклый свет в низеньких окнах, можно было бы подумать, что село погружено в сон.

Из осторожности друзья долго шли молча, пока не отошли подальше от деревни: только выйдя из рощи на равнину, они нарушили молчание, и Сурен рассказал другу, что привело его к нему.

- Дашнаки совсем распоясались. Один из их шайки стал приставать к Марго. Сестра не знала, куда спря-

таться от него. Я увез ее к тетке в дальнюю деревню. А оттуда попал к вам, в Гюней.

- Но как ты решился прийти к нам?

- Это вышло случайно. Я думал подняться в горы и пройти селение Кешки, но днем идти опасно, кругом шныряют разъезды.

Там, в горах, маневры проводятся, что ли. Я подался в лес, в самую глушь и заблудился. Наконец набрел на какого-то пастуха. От него узнал, что нахожусь неподалеку от Гюнея. Тогда я и решил проведать тебя, дождался темноты и задворками пробрался к твоему дому.

- Это ты умно сделал! - похвалил его Мардан.

- Теперь мне надо попасть домой. Я очень беспокоюсь. В деревне полный произвол властей. Что сделает отец в такие годы, где ему укрыться, прямо не знаю. А сын, на которого он рассчитывал, находится бог знает где. Вот почему я должен спешить домой. Может, надо будет и сестре помочь. И отца я не могу покинуть одного.

Сурен глубоко вздохнул.

- Не ты один в таком положении, - стал успокаивать его Мардан. - Проклятье тем, кто обрек нас на такую жизнь! Пусть рухнет дом того, кто разлучает отца с сыном, сына с отцом, брата с братом, друга с другом.

Что ни день - становится хуже. Никто не уверен в завтрашнем дне. Наши мусаватисты, эти ханы и беки, захватившие власть, - сущее проклятие для народа. И ваши дашнаки не лучше. Что делать сыновьям, как быть отцам?.. Но если ты вернешься, тебя не оставят в покое.

Сурен молчал. Да и что он мог сказать? Друзья шагали при бледном сиянии луны. Медленно плыли облака, похожие на снежные сугробы. Вокруг стояла тишина. Воздух был чист, напоен смешанным запахом зеленых колосьев, мака, ромашки, мяты, душистых трав. Размякшая от теплого весеннего дождя земля, и поднявшиеся по пояс и налившиеся соками хлеба, журчанье воды в канавке и шепот травы - все это твердило: весна, весна!

Друзья шли. Дорога была ровная. В ночной тишине глухо звучали шаги.

- Все это скоро должно измениться! - послышался уверенный голос Мардана. - Сам увидишь, Сурен, как изменится все. Времена нынче не те. Есть настоящие мужчины, которые думают, размышляют, ищут выхода. Так не может долго продолжаться. В стране есть хозяин, и он заявит о своих правах. Народ возьмет свою судьбу в свои руки. Тогда они узнают! Даром не пройдут мучителям эти муки! Ты

думаешь, не будет возмездия? Думаешь, все проходит так себе и нигде не записывается?

- Эх, Мардан, кто станет записывать это?. - с грустью сказал Сурен, - Тот, кто держит перо, не станет записывать нужды и мучения бедняков.

- Нет, Сурен, не говори так, - горячо возразил Мардан. - Как ни слаб бедняк, у него крепкая рука и сердце полно ненависти. Возьми хоть нашу деревню. Чаша терпения переполнилась. Поверь, если бы не накапливалась во мне из года в год злоба, я не поступил бы, как сегодня. Каждого из нас ожидает такой день. Верно, конечно, не для всех сразу приходит этот день, но он близится.

Нож дошел до кости! Сам увидишь, если будем живы. Народ выжидает удобного момента.

Сурен молчал. Видно было, что он мало верил в то, о чем с такой горячностью говорил его друг.

Когда они подходили к городу, цели их путешествия, Мардан посоветовал Сурену обрить голову.

- Боишься, что узнают? - встревожился Сурен.

- Конечно, могут узнать.

- Эх, Мардан, если у тебя нет в городе надежного места, лучше и не ходить нам туда. Давай как-нибудь схоронимся здесь, в лесах, или я уйду к себе в горы.

Мардан решительно повернулся к Сурену и взял его за руку.

- Что ты говоришь, Сурен? Что значит уйду к себе в горы? Как так? Отпустить тебя одного? Нет! Если надо будет умереть - умрем вместе! И биться будем вместе. Наконец-то мы нашли друг друга. Когда ты со мной, я чувствую себя вдвое сильнее. Разве не слыхал ты легенды о дружбе Эйваза и Кер-оглу? Если мы не будем опираться друг на друга, то нас победят, А насчет города не беспокойся. Там есть у меня надежные друзья. Но мало ли что может и случиться, вдруг не найдем их или не сразу найдем, вдруг встретимся со злыми людьми. По волосам в тебе сразу признают армянина. Знаешь, как у мусульман: раз не брит, значит, гяур!.. Я захватил ножницы. Дай-ка остригу тебя. Сделайся на несколько дней мусульманином.

Они сошли с дороги, спустились в низину. Луна, выйдя из-за облаков, заливала все вокруг своим бледным светом. Вся природа погрузилась в глубокий сон. Ручей, протекавший в низине, казалось, в извечной песне рассказывает миру свои тайны.

Глава пятая

МАЛЕНЬКИЙ СЛУГА

Бредешь - и сердцем плачешь ты навзрыд,
мое дитя!
Не знаю, чья нога тебя щадит, мое дитя!

Сабир

С Марданом ушли из дома Соны покой и радость. Передавая Бахару договор о побратимстве Мардана с Суреном, мать сказала серьезно и ласково:

- Это память о твоем брате! Храни ее крепко!

Бахар прятал на ночь бумагу под подушку, а днем носил на груди. Мать строго-настрого наказала ему никому не говорить о ней.

Всю ночь, а потом и день Сона думала о своем сыне. Где-то он теперь? Здоров ли? Подолгу сидела мать у порога, устремив глаза на зеленевшие далеко за селом деревья. Временами ей казалось, что она видит сына: вот он в городе в чайхане, вот он бродит в лесу. Но иногда воображение рисовало ей страшную картину: окруженный городовыми и стражниками,

бредет по дороге Мардан, низко опустив голову. Тогда Сона горько плакала.

В такие минуты Сона чуть не теряла сознание, и бледные губы ее невольно звали:

-Мардан! Мардан!..

В Гюнее никто не хотел брать Бахара на работу. Добрые люди посоветовали женщине попытаться устроить сына в чужой деревне, где ничего про них не знают. Однажды на рассвете Сона отправилась с Бахаром в соседнюю деревню. Они подошли к дому с большим двором, окруженным высокой стеной. К ним вышла хозяйка. Взглянув на Бахара, она презрительно поджала губы.

- Какой он тощий!

В воротах появился батрак с хурджином на плече. Он торопился на пахоту.

- Пахать умеешь? - спросил он.

- Да.

- У кого пахал?

Бахар замялся и посмотрел на мать.

- Братец, - сказала Сона, - он пахал со своим дядей. Судьба нас обидела, умер дядя. Он никогда не работал у чужих. Тетя Беим посоветовала обратиться к вам, вот я и привела его. Он работящий мальчик, к тому же сирота. Будьте с ним ласковы, прошу вас.

- Если мы его возьмем, то не для того, чтобы нянчится с ним, а для работы, - сказала хозяйка.

- Я вовсе не к тому. Конечно, он будет работать, а то как же!

Я сама его накажу, если вздумает лениться, - подхватила Сона - Идем, - позвал Бахара батрак, - повертишься около меня на пашне денек - другой, а потом посмотрим.

Бахар пошел за батраком. Сона только поглядела в след сыну, хотела заговорить об условиях, но не решилась. Она была довольна и тем, что сына ее кормить будут.

- Дай бог вам здоровья и счастья! - поклонилась она хозяйке.

Некоторое время Бахар прожил в батраках у Кямфурсат-оглы, исполняя самые различные обязанности: подметал двор, пас скотину, молотил хлеб, работал в поле, помогал пахать, таскал тяжести, поливал посевы. Словом, не было в хозяйстве работы, которое бы ему не поручали. О том, что он еще ребенок, вспоминали только, когда надо было его кормить. В хлеву отведена была ему лавка, на которой он мог ночью три-четыре часа поспать. Усталый до изнеможения, он спал как убитый и не слышал ни ржания лошадей, ни сопения быков.

Бахар вставал до рассвета и уходил спать последним, когда убеждался, что все, кто мог распоряжаться им и давать ему поручения, уже спят. Тогда он клал под голову веник, которым подметал кормушки животных, ложился на лавку, сгибал ноющие колени, накрывался архалуком и засыпал.

Хозяин то и дело ругал его:

- Тебе бы только спать, сын свиньи! Ты не стоишь и того хлеба, что жрешь! Нет мне счастья! Все лентяи и лежебоки попадаются!

И батрак был не доволен Бахаром. Пристроившись к ярму, Бахар погонял быков, тащивших плуг. Случалось, что плуг неожиданно увязал в земле. Потеряв равновесие, Бахар падал. Он очень боялся, что его затопчут быки. Освирепевший батрак принимался за быков. Он бил их крепкой кизиловой палкой и ругался на чем свет стоит. Войдя в азарт, батрак брал под мышку голову быка и колотил его по морде, яростно приговаривая:

- Вот это место! Вот это место! Я бы сказал больше, если бы не эфенди!

Лишь в последствии Бахар узнал, что эфенди запрещал осквернять ругательством пасть животных, потому что «и животные молятся богу».

В такие минуты, когда батрак бывал сердит, Бахар стоял молча, не смея пикнуть. Это приводило батрака в еще большее бешенство.

- Ты что - немой? - кричал он Бахару. - И ты говори: «Бык сукиного сына!». И ты ругай: «бык сына злодея!» - Чего же ты молчишь?

Бахар со страхом повторял эти ругательства, адресованные хозяину.

Как ни тяжело было на пахоте, как ни больно впивалась в ноги железная цепь, на которую мальчик вынужден был опираться, чтобы не упасть, во время молотьбы ему приходилось еще хуже.

Бахара заставляли погонять быков, топтавших разбросанные по току снопы. Солнце палило немилосердно, в босые ноги вонзалась солома, раня их до крови. Мальчик бегал по кругу до тех пор, пока солома не превращалась в мякину. Голова кружилась, пыль стояла столбом, вызывала тошноту. А хозяин сидел в тени и, покуривая трубку, следил за ним. Так Бахар кружился до позднего вечера без передышки. Иной день ему не удавалось даже спокойно пообедать, и он жевал свой кусок хлеба, продолжая бегать за быками.

Вечером измученный Бахар отправлялся на речку, чтобы умыться; желая хоть немного облегчить боль, он прикладывал к израненным ногам зеленые листья. В дождливые дни, когда молотить было нельзя, Бахар превращался в пастуха. Продрогший мальчик был счастлив, когда солнце разгоняло тучи; он садился тогда на камень и, грызя черствый хлеб, смотрел с высоты горы Гюндюз на село.

Какими счастливыми казались ему петухи: они взлетали на низкие крыши или заборы, хлопали крыльями и громко кукарекали, приветствуя восходящее солнце. Бахар завидовал белым курочкам и желтым цыплятам, бегавшим вокруг матери, - их не держат впроголодь, не бьют, не будят на рассвете пинками. Они не падают с ярма, когда лемех вязнет в борозде. Цепь не режет им ноги.

Счастливы дети беков - они бегают по садам или в тени деревьев читают книжки.

Счастливы дети богатеев - они досыта едят хлеб, густо намазав его маслом.

Счастливы их молодые девушки, начинающие скрывать свое лицо от мужчины! Им совсем не о чем жалеть! У них не болят десна от ячменных лепешек! Щеки их не лупятся от загара, глаза не гноятся и не болят от нестерпимо яркого солнца.

Счастливы матери этих семей! Вот они раскладывают на крышах для сушки яблоки и абрикосы и другие плоды. Они не знают нужды и голода. Весь урожай садов принадлежит им. Ах! Эти сочные, сладкие абрикосы! .. Вкусные, ароматные сливы, ранние и осенние яблоки, гроздья сладкого винограда...

Бахар смотрел, и рот его наполнялся слюной, а жизнь казалась в одно и то же время и сладкой, и горькой.

Посреди села вьется блестящая лента реки. Это - Себей-чай.

Ласточки проносятся над ее водами, словно мечты. А вон там - студеная вода родника Бадамлы: Как прохладно в тени под ракитами!

На арбах везут сочные сладкие дыни, арбузы - зеленые и желтые, гладкие и полосатые. Ах, как душисты эти полосатые шамамы! Какой аромат идет от грядок бархатных цветов и гвоздик во дворах! На холеных лугах пасутся коровы, дающие по ведру молока. Ягнята блеют, жужжат пчелы, летящие за медом. Как приятно распевают пастушки «Эх, земля! Чего только нет на ней! Вот бы превратиться в птичку!..»

Шарп!..

Бахара так огрели палкой по спине, что у него дыхание захватило, и только через миг его вопли огласили окрестность, эхом отдаваясь в горах.

- Ах ты, сын свиньи! Твои овцы все поле потравили.

Караульщик снова замахнулся палкой. Бахар пустился наутек. С палкой в руке сторож гнался за мальчиком, а тот бежал что было сил и кричал в ужасе, зовя кого-то на помощь.

Глава шестая

ПОВЕЛЕНИЕ НОЧИ

...И ночь имеет правду,
...У правды же нет ночи.

К северу от селения Гюней равнина постепенно переходит в невысокие холмы, за которыми поднимается одинокая вершина горы Гюндюз, а дальше тянется горная цепь Геюмсы. Она круглый год покрыта снегами, но склоны ее весной и летом сверкают девственно-яркой зеленью.

Несмотря на значительное расстояние, пастухи гоняли скот сюда на богатые сочной травой пастбища. Даже самые отдаленные деревни пользовались этими склонами, пасли здесь свой скот.

Извиваясь между скал, шумно сбегает вниз Мажинчай. Она омывает корни вековых деревьев и, пенясь, точит гладкие булыжники. у самого села воды ее сливаются с водами Себей-чая, Весной, когда тают снега, Мажын-чай приходит в неистовство, воздух сотрясается от рева разлившейся реки.

Огромные пласты снега, подтаявшие под лучами весеннего солнца, глыбами обрушиваются вниз, взрываясь, точно пушечные снаряды; кажется, что это рушатся горы. Случается, что снежная лавина, запрудив реку, заставляет ее менять русло. Пасти здесь скот весной рискованно: никто не знает, какую шутку может выкинуть вздорная река. Вот почему до самого лета пастухи не показываются здесь, и склоны, освобожденные от снега, успевают покрыться пышной растительностью. Пастухи любили это место: им не приходилось беспокоиться, что скотина потравит посевы; вокруг было сколько угодно сочной, вкусной травы.

Сюда пригонял овец и Бахар.

Однажды Бахар поднимался по склону, заросшему густой, пышной травой. По обыкновению, рубил палкой - она изображала клинок - встречные кусты, срывая пестрые цветы. Если бы можно было так идти до самой вершины Геюмсов, Бахар дошел бы до перевала, чтобы посмотреть по ту сторону горы. Он много интересного слышал об этом перевале и мечтал побывать на нем. Но туда ведет узкая, каменистая, местами опасная тропинка. Бахар оглянулся назад и окликнул товарищей, которые были далеко внизу, у самой подошвы горы. Те ответили. Подпры-

гивая по-заячьи, прибежала собака Мурсала. Бахар бросил ей кусок хлеба, но собака отвернулась в сторону, навострила уши и втянула воздух. Вдруг она сорвалась с места и помчалась вверх по склону.

Вскоре до Бахара донеслось слабое блеяние. «Откуда тут взялись козы?» - подумал Бахар и побежал вслед за собакой по обрывистому склону.

Бахар хорошо знал, что все овцы и козы находятся внизу и здесь нет ни одного животного. Но он явственно слышал блеяние. Уж ли не заблудился ли тут еще вчера какой-нибудь козленок? Бахар торопливо поднимался, хватаясь за кусты, цепляясь за камни, и наконец увидел собаку, которая прыгал а на месте, словно кошка, играющая мотком ниток. Перед ней стоял маленький джейран; он пугливо озирался и жалобно блеял.

От радости Бахар растерялся. Как быть? Позвать ли товарищей, бросить ли в джейрана камнем или притаиться, чтобы не спугнуть его?

Эти мысли молнией пронеслись в его голове, а он продолжал стоять, растерянный и ошеломленный.

Собака все прыгала на месте, повизгивая, словно звала Бахара на помощь. Джейран все стоял перед собакой и блеял. Удивительное дело! Если он боится, почему не убежит от нее!

Откуда-то сверху раздавалось ответное блеяние. Бахар поднял голову и увидел на перевале стадо джейранов. Впереди стояла матка и звала своего детеныша.

Бахар шагнул вперед. Собака отрезала маленькому джейрану путь к отступлению, и, когда тот, словно вспугнутая птица, взлетел в воздух, мальчик схватил его за ногу. Животное забилось в его руках. Бахар грохнулся на спину, но добычи не выпустил из рук.

Крепко обняв джейрана, он прижал его к груди и стал громко звать товарищей. Мальчики внизу слышали его голос, но не могли понять, откуда он кричит - обманывало эхо - и чего от них хочет.

Собака помчалась вниз по склону, словно спеша с вестью. Бахар прижимал джейрана к груди, крепко сжав в руке передние ножки.

Джейран продолжал блеять, иногда бился, стараясь вырваться. С перевала ему отвечало жалобным блеянием матка. Шерсть у джейрана была мокрая и Бахар понял, что матка только что облизывала его. Он нежно гладил его красивую головку, изящную шею. Рука коснулась мягкого, рыхлого пупка, - джейран был совсем еще мал.

Бахару стало не по себе. Призывное блеянье матки разжалобило его, и он готов был выпустить джейрана, но тотчас отогнал от себя эту мысль.

Я же его не на убой! .. Я его выращу, приручу! Буду ухаживать за ним, как за ягненком».

Бахар оглядел отливающие серебром каштановые копытца, прямые и тонкие, точно тростинки, ножки, большие испуганные глаза. Целуя джейрана в морду, в шею, в спину, он стал осторожно спускаться по склону.

Бахар решил отнести свою находку домой, чтобы хозяин не проведал. На полдороге он передал джейрана Мурсалу и, отделив своих овец, быстро погнал их к хозяйскому дому. Сказав хозяину, что его звала мать, он бегом пустился догонять товарища.

у ворот дома целая толпа окружила мальчика, крепко державшего джейрана. Всем хотелось полюбоваться красивым животным.

Некоторые спрашивали Сону, не продаст ли она его.

Бахар с увлечением рассказывал, как он поймал джейрана. Он позвал собаку, которая помогла ему, но та равнодушно лежала у стены и как ни в чем не бывало разглядывала людей.

- А скажи, Бахар, - спросил подошедший Ага-Рашид, - сколько вас там было, ребят?

- Трое, но наверх поднялся только я один.

- А как делить будете? - повернулся Ага-Рашид к Мурсалу.

- Ведь вы же вместе были!

Мурсалу было приятно слышать, что он имеет свою долю в находке, но он не решался идти против Бахара и пробурчал что-то невнятное. Ага-Рашид снова хотел задать какой-то вопрос, но тут вмешал ась Сона.

- Что тебе за охота ссорить ребят? - сказала она.

- При чем тут ссорить! - огрызнулся Ага-Рашид. - Я говорю о том, что надо верно рассчитать. Джейрана поймали трое, вот и надо...

Сона, не дослушав его, взяла джейрана у мальчика и унесла в саклю.

В этот вечер Бахар остался дома. От радости он долго не ложился спать. Привязав джейрана около двери, он накрошил ему в чашку хлеба, положил перед ним тутовых листьев, люцерны.

Мальчик поминутно подносил к нежным бархатным губам своего пленника чашку с водой, но джейран обидчиво отворачивался. Бахар гладил звереныша, обнимал его.

Джейран не пил и не ел. Он настороженно поглядывал в окно, в темноту ночи, будто ожидая призывного голоса матери.

Неожиданно он заблеял. Бахар от радости громко засмеялся, обнял джейрана, пытаясь заставить его еще и еще блеять.

Он долго возился с ним, пока не свалился от усталости. Мать подложила под голову сына подушку, и он заснул тут же, рядом со своим другом, с мыслью о Мардане, который тоже будет рад джейрану.

Мардан вошел в рабочем платье, с серпом в руке. Бахар бросился к брату, обнял его и потом повел показывать своего джейрана.

Мардан достал из кармана красную книжку и протянул Бахару. Едва он открыл книжку, как из нее посыпались розовые лепестки, наполнив воздух благоуханием. Комната расцвела, словно мак.

Теплое, ласковое дуновение понесло лепестки к порогу. Во двор слетелись и запели на все лады птицы. Мардану подвели рыжую лошадь.

«Ты устал, - сказали ему. - Довольно ты ходил пешком!»

Мардан вскочил на лошадь и посадил к себе в седло Бахара.

Братья поехали к роднику. Джейран бежал за лошадью, точно жеребенок. Молнией носился он по полю, прыгал, блеял. Лошадь отвечала ему ржанием. Мимо них проплывали горы, леса. Травы ковром расстилались перед ними. Ветерок овевал лицо Бахара...

Он открыл веки, протер глаза и вскочил. Мать хлопотала в сакле, собирая ему завтрак в сумку. Натягивая чарухи, мальчик рассказал о своем сне.

- Этот сон к добру! - отвечала мать. - Только людям не говори о нем. Расскажи проточной воде, тогда сон исполнится.

Птицы - известие, лошадь - возвышение, книга - сказка. Ты получишь хорошую весть, вернется брат, будешь счастлив.

Бахар верил, что сон этот предвещает ему счастье и удачу.

Он только и говорил о джейране и еще о своем брате Мардане.

Его горячие, сердечные речи так взволновали мать, что она заставляла по нескольку раз повторять его сон и рассказ о том, как он поймал джейрана. Мать радовалась сыну, гордилась им и мысленно молилась богу: «Господи, сохрани мне этого малыша! Утешь

меня! Услышь мольбу женщины, которая пережила столько горя».

Сона заботливо ходила за джейраном, и скоро он стал ручным, как ягненок.

За лето и осень джейран вырос, раздобрел. Иногда Сона отвязывала его и пускала во двор. Почувствовав свободу, джейран выскакивал на улицу, перепрыгивал через плетни, канавки и кусты, в одно мгновение скрывался с глаз. Казалось, уже не вернется. Но через некоторое время доброе животное уже терлось мордой о платье хозяйки, точно силясь сказать: «Я быстрый, куда хочешь добегу!»

В день ашуры' в селение приехал «англичанин с вокзала» поглядеть на траурную процессию; увидев случайно Бахарова джейрана, англичанин подозвал к себе юзбаши и, показывая на животное, бросил несколько слов.

Ясар Лятиф в ответ приложил руку к своим глазам - знак покорности - И низко поклонился.

На другой день стражник появился у ворот Соны.

---

1 Ашура - десятый день месяца мухаррама - траура мусульман-шиитов по убитым некогда святым имамам.

- Тетя Сона, - позвал он, - тебя юзбаши требует.
- На что я понадобилась ему?
- Сама у него спросишь! Идем!..
- Что еще придумал юзбаши? - подумала Сона и сказала стражнику:
- Ладно, уберусь и приду.
- Нет уж, лучше иди со мной! - настаивал стражник.
- Что ты привязался? - рассердилась Сона. - Сказала: приду, значит, приду. Не в тюрьму же поведешь в такой святой день.

Стражник упорно стоял на своем, и Соне пришлось в конце концов подчиниться.

Юзбаши накинулся на нее:

- Когда будет конец твоим скандалам, баба? С тобою цацкаются, так ты решила на голову нам сесть?

Сона вспыхнула и ответила ему резко:

- Ты зачем меня звал?
- Откуда твой сын привел джейрана?
- Какое дело юзбаши до этого?
- Когда спрашивают, отвечай. Откуда он привел?

Обозленная женщина заметила язвительно:

- А что? Гаджи теперь на джейрана позарился?
- Я тебя спрашиваю: откуда?

- Это тебя не касается. Скажи лучше, зачем ты оторвал меня от работы? Может, хочешь и джейрана налогом обложить?

Юзбаши поглядел на дрожавшие от гнева губы, на горевшие ненавистью глаза Соны и насупился.

- Ты думаешь, в селе хозяина нет и можно без разрешения джейранов разводить? - сказал он сурово. - Что за самоуправство?

- А ты нашел беззащитную женщину и вздумал растоптать ее? - повысила голос Сона. - Какое вам дело до моей сакли, до забав моего ребенка? Это юзбаши не касается. Почему вы житья нам не даете?

Ясар Лятиф погрозил Соне пальцем и крикнул повелительно:

- Сейчас же приведи сюда джейрана!

- Что это - приказ?

- Да, приказ. Приведешь, здесь поговорим.

- Джейран не мой, а мальчика. Убьешь, не отдаст.

- Я сказал, и точка! «Мальчик»!.. Подумаешь! Если бы всякий присваивал найденное, то все овцы давно принадлежали бы пастухам. Мы хорошо знаем, как ты сыновей воспитываешь! Мардан - пример!

Юзбаши обернулся к стражнику:

- Чего стоишь дураком?

Стражник набросился на Сону:

- Идем, идем! Скорее тащи джейрана, успеешь наговориться! Ну, живо!

Сопровождаемая стражником, Сона шла домой. Ноги отказывались идти.

Она перенесла в жизни немало оскорблений и обид, знала тяжесть насилия, знала, что власть не только над джейраном, но и над Бахаром принадлежит этим людям. Они на все способны.

Грудью она отстояла бы милое животное от волков, от лесных хищников, одна вышла бы против них, чтобы уберечь радость сына, она отдала бы на растерзание собственное сердце, но спасла бы джейрана. Но сейчас против нее стояли пристав, начальник, юзбаши, все, облеченные властью. Что могла сделать против них одинокая женщина?

Терзаемая этими мыслями, она машинально передвигала ноги, и сердце ее готово было разорваться от горя.

- Завтра в это время твой джейран будет у министра, - сказал стражник. - Ты должна гордиться.

- У какого это еще министра?

- У англичанина с вокзала. Завтра у него именины. И старшина, и пристав - все будут у него. Все равно Кямфурсат-оглы отнял бы у вас джейрана. Он гово-

рит, что все, найденное слугой, принадлежит хозяину. А англичанин, может, и подарит что-нибудь...

- Пусть подавится своим подарком!..

Услышав о мистере, Сона совсем пала духом. Все в районе знали высокого англичанина с мутными глазами. Он жил на станции и наблюдал за работой нефтепровода. Беки чуть не ползали у него в ногах. Все его желания исполнялись беспрекословно.

Сона много слышала о мистере и знала, что он поставлен здесь англичанами, чтобы защищать беков и ханов, грабить села, расправляться с бедняками. «Не с добрыми намерениями явился он сюда из-за морей. Он хочет превратить нашу страну во вторую Индию, обмануть, опутать, обобрать. Недаром беки, издали увидя экипаж мистера, спешат навстречу, у ног его лошади режут жертвенного барана, лижут ему ботинки. Известное дело, собака собаке на хвост не наступит. Мистер стоит на защите беков и богатеев, а те отвечают ему собачьей преданностью. Чтоб им сгинуть, проклятым предателям, продажным подлецам!..»

Соне хотелось излить свое негодование в крике, в брани, но она понимала, что это не умерит горечи ее переживаний. Перед глазами женщины проходила бесконечная цепь страшных преступлений, совер-

шенных за эти годы приставами, старшинами и прочими представителями нового «национального» правительства, которое сначала продавало страну турецким пашам в красных фесках, а теперь продает англичанам.

Сона особенно болезненно чувствовала муки и страдания своей родины и народа, - ведь столько бедствий обрушилось на нее, отразилось на ее собственной судьбе. Когда же будут изгнаны с ее родной земли эти хищники, которые грабят даже малых детей, отнимая у них единственную детскую радость? Когда же, когда?

Самым страстным желанием Соны было кинуть большой тяжелый камень вслед этим грабителям и разбойникам.

«Ах, не будь у меня детей, - думала Сона, - я бы зубами перегрызла горло врагу!..»

По селу ходили разговоры, что этот «желтый дьявол» занимался не только нефтью. Дни и ночи бродил он по горам и долам, принюхивался, присматривался - видимо, выискивал скрытые в земных недрах богатства. Он был ласков с юзбаши, делал подарки приставу, а народу дорого обходились эти подарки.

Сона поняла, что ей не спасти джейрана, не уберечь единственное утешение своего сына. Она глубоко

вздохнула, руки опустились словно плети, ноги обессилели. Боясь упасть, Сона сжала руками дрожащие колени и опустил ась на корточки.

Стражник огляделся вокруг, не увидев никого поблизости, он подошел к Соне и, нарушая официальность, хотел поднять женщину за руку, но та резко оттолкнула его. Стражник отошел в сторону. Сона встала.

- Ведь ты же сама виновата! - понизив голос, сказал стражник участливо.

Сона не ответила. Некоторое время она шла, задумчиво глядя на пыльную дорогу.

- В чем я виновата? - вдруг спросила она, когда стражник уже забыл, о чем говорил.

Подумав, он вспомнил:

- Грубо разговариваешь...

- А ты бы стерпел, если бы у твоего ребенка...

- Эх, тетушка, что говорить об этом!.. Если ты не будешь дерзить, а сама возьмешь джейрана под мышку да снесешь его к англичанину, может, он тебе золотой подарит. Ты женщина бедная, тебе это будет кстати. И на что тебе этот джейран? Только лишняя забота...

Сона рассмеялась, сурово посмотрела на стражника и дважды повторила презрительно:

- «Золотой, золотой»!..

Сона задумалась. Казалось, ее занимало предложение этого человека. Вдруг она вскинула голову и посмотрела на стражника.

- А ведь ты дело говоришь! Уж если джейран должен достаться англичанину, пусть юзбаши разрешит мне, я сама отнесу. Может, и верно, на рубашку мальчику...

Стражник уже раскаивался: ведь он придумал это лишь для того, чтобы Сона успокоилась, не поднимала шума.

«Как бы не проведал об этом юзбаши, - испугался он. - Если догадается, скажу, что пришлось обмануть Сону, а то она не хотела отдавать джейрана!»

- Ты правильно говоришь, - повторила она. - Я сама отнесу англичанину.

- В канцелярии поговорим... - уклончиво ответил стражник.

Когда Сона вошла в дом, джейран спал, положив голову между передних ног. Услышав шаги, он вскочил. Быть может, животное ожидало своего верного друга Бахара, имя которого означало «весна».

Он так заботился о своем джейране, так весело играл с ним. Но увы! Вместо весны к нему подкралась лютая зима.

Когда стражник потянулся к джейрану, Сона не выдержала.

Схватив стражника за полу, она оттащила его назад:

- Что ты делаешь? Это тебе не мешок с сыром. Отойди! С такими повадками тебе только за джейраном и ходить!

Сона бережно взяла джейрана на руки, понесла его сама.

По дороге в канцелярию все встречные горели желанием остановить Сону, по гладить красивое животное, заглянуть ему в глаза, но рядом с женщиной шагал стражник, и никто не решился подойти к ним.

Когда Сона выходила со двора, джейран сделал резкое движение и чуть не выпрыгнул из ее объятий. Сона рада была бы выпустить его, но хорошо знала, что он не спасется на узких деревенских улицах от зубов собак и от пули стражника. Она крепко прижала джейрана к груди и мысленно сказала ему: «Не бойся, милый, я не отдам тебя палачам!..»

Ласковое животное доверчиво прижалось к ее груди, терлось мордочкой о руки, платье. И это усиливало горе Соны. На лице ее было такое отчаяние, словно она готовилась предать земле тело своего ребенка.

Ко всем ее горестям прибавилась еще одна. У ее сына отнимают единственное утешение, единственный

источник радости. Отнимают для развлечения детей мистера. У тех детей есть все, у них должен быть джейран. У Бахара ничего нет, пусть не будет и джейрана. Он не имел права даже на животное, пойманное им самим в горах. И все потому, что Бахар - сирота, Бахар - бедняк, Бахар - слуга. Сердце Соны обливалось кровью. Страшный гнев вдруг охватил ее.

«Не буду я Сона, если рука англичанина коснется нашего джейрана!» - решительно подумала она и ускорила шаги. Стражник поспешил за ней.

Войдя в канцелярию, Сона заговорила примирительно:

- Зачем ты, братец Лятиф, сразу не сказал мне, что джейран нужен для мистера? Я бы украсила его, как полагается. А то ведь я подумала, что нашего джейрана хотят зарезать... Грешно ведь... Кязим меня надоумил... Только...

Юзбаши провел рукой по темени животного, потом приподнял ему губу и, посмотрев на зубы, промычал:

- Что значит «только»?

Сон а этого вопроса и ждала.

- Только, братец Лятиф, я хотела украсить джейрана, повесить ему кисточки на шею, выкупать, почистить,

тогда господа англичане не скажут про нас, что мы, мусульмане, дикие: как поймали в горах, так и повезли им. Ведь его будут там разглядывать, гладить по шерсти, а то, может, и целовать. Не стыдно ли нам будет, если джейран окажется грязным, в пыли? Конечно, будет стыдно. Я не знала, что джейран предназначен для такого приличного дома.

Речь Соны пришлась юз баши по сердцу.

- Если ты так думала, почему же не сделала, а? К чему тут вопросы? Сделай, как полагается. Большая честь для нас, если мистер посадит его в машину и повезет в свой Лондон. Пусть знают, из какого села и кто здесь юзбаши!

- Дай мне день сроку, - подхватила Сона, - я разукрашу джейрана словно невесту и бусинку от сглазу на шею повещу.

Юзбаши остановил ее движением руки:

- Заклинаю тебя прахом твоего отца, возьми и сделай как знаешь. При став и все начальство тоже увидят, его будут возить из города в город. Пусть все будет прилично.

- Будь спокоен!

Не успела Сона выйти из канцелярии, как юзбаши снова позвал ее:

- Эй, Сона! Воротись-ка!

Сона остановилась в страхе, что юзбаши изменит свое решение.

Лятиф вынул из кармана печать и сказал, заискивающе улыбаясь:

- Вот что еще надо бы сделать. О нашем подарке будут говорить при больших людях - при ханах, князьях, - не приложить ли печать к груди джейрана? Ты ведь ничего не потеряешь от этого! Пусть моя печать будет на нем!..

Сона взяла печать у юзбаши, с сомнением покачала головой:

- Братец Лятиф, тут хной нельзя.

- Как нельзя? Накладывают же такие печати на шелковые платки.

- То совсем другое дело. Там воском печатают. А хной не выйдет: она покроет всю печать, и получится сплошное пятно.

Юзбаши стал внимательно разглядывать свою печать, словно впервые увидел ее.

- Как же быть?

- Ничего, - сказала Сона. - попробуем чернилами. Это не трудно. Дай мне сначала украсить джейрана, а когда принесу, здесь и припечатаешь.

- Ведь чернила сойдут скоро. Первый же дождь их смоет.

- А мы скажем, чтобы под дождь не пускали. Ты не бойся, во всяком случае до Лондона печать твоя продержится. И этого хватит.

Юзбаши согласился с женщиной и пробормотал, как бы про себя:

- Не дождешься еще такого счастья, чтобы печать наша до Лондона дошла.

- Если печать не дойдет, то имя непременно дойдет, - успокоила его Сона. - Тут и думать нечего, братец Лятиф. Все, что делаешь, записывается в большую книгу, не пропадает зря. О твоих подвигах слава по всем городам и селам пойдет. Ты не беспокойся.

От радости у Ясара глаза заблестели, и он весело кивнул головой:

- Ладно, тащи!

Сказав это, он еще раз взглянул на печать и сунул ее в карман.

- Значит, когда ты его принес ешь ? - спросил он, когда Сона собралась уже уходить.

- Когда вы должны быть у господина англичанина?

- Завтра вечером он справляет именины. Надо успеть...

- Сегодня же я покрашу хной, а завтра с утра свяжу кисточки. К вечеру все будет готово.

- Ну, тетя Сона, миленькая, не пожалей труда!

- Хорошо!.. Только я сама повезу подарок на станцию, - попросила Сона.

- Какая разница? - возразил юзбаши. - За труды получишь от меня.

- Нет, я хочу полюбоваться на их роскошь.

- Ладно, завтра повезут мистеру всякую снедь, можешь пристроиться на повозке.

Сона скрыла от Бахара, что у них отбирают джейрана. «Пусть на день позже узнает о своем горе», - решила она.

На другой день сам юзбаши пожаловал к ней. Увидев выкрашенного хной джейрана, он остался доволен и похвалил Сону. Потом достал печать и, дохнув на нее, сказал:

- А ну, милая! Успокой мою душу, приложи печать. Сон а взяла печать, смочила ее водой и приложила к лопатке джейрана.

- Ну вот и твоя печать!..

- А ее не видно...

- Сейчас не видно, а до вокзала просохнет, и будет очень хорошо видно.

- Уже время! - стал торопить ее юзбаши. - Надо пораньше приехать, чтобы застать гостей.

- Да разве они так рано ложатся спать?

- Нет, спать не ложатся, но и на ногах держаться не могут.

Юзбаши и стражник ехали впереди верхом, а Сона с джейраном на руках устроилась на повозке, груженной кожаными мешками с маслом и с сыром.

Дул холодный осенний ветер. Сона сидела, поджав под себя ноги, спрятав колени под сеном.

Когда они выезжали из деревни, уже смеркалось. Вдали за деревьями мерцали электрические огни железнодорожной станции.

Временами доносились гудки паровозов.

Лошадьми правил Фетиш-оглы. Он занимался извозом, но сегодня ему пришлось поехать на станцию, выполняя повинность.

Юзбаши тоже имел арбу, но считал неудобным везти продукты господину англичанину на быках, а потому снарядил повозку Фетиш-оглы. Кроме того, Фетиш-оглы, человек бывалый, умел держать себя с иностранцами, в случае нужды мог бы даже ответить англичанину, не растерялся бы, как другие.

Фетиш-оглы был недоволен, что его оторвали от дела, лишили заработка, и в душе ругал юзбаши на чем свет стоит. Он гнал лошадей, чтобы успеть вовремя выполнить повинность и заполучить платный груз, который он рассчитывал найти на мельнице Арзума-

нова.

«Эх, сделать бы еще хоть один конец!» - думал он, мечтая о заработке.

Сона сидела, зарывшись ногами в сено и держа джейрана в объятиях; она все думала, все прислушивалась к тревожному стуку своего сердца. Думала она о том, как ей отпустить джейрана на волю, и очень боялась, что не сумеет это сделать, часто наклоняясь вперед, смотрела на широкую спину возчика, оглядывалась по сторонам.

Они проехали уже полдороги. С обеих сторон обступил дорогу густой кустарник. Соне казалось, что какие-то голоса шепчут ей из-за кустов: «Ну, пора, выпускай!..»

Сона посмотрела в потемневшее небо, прислушалась к мягкой тишине степи, осторожно высвободила ноги из-под сена и оглянулась на возчика, не услышал ли тот шороха. Возчик сидел спокойно, ничего не подозревая. Тогда Сона поднялась на ноги, поцеловала джейрана в мордочку и бросила его на землю.

«С богом»! - сказала она про себя.

Джейран полетел словно на крыльях, легко коснулся ногами земли и остановился на мгновение; то ли от радости, то ли от удивления он коротко заблеял и вдруг растаял во мраке ночи.

Повозка летела с такой быстротой, ее колеса, ударяясь о камни, поднимали такой грохот, что загреми гром, и то бы нельзя было услышать. Сона хотела крикнуть, забить тревогу, но решила немного переждать, дать джейрану уйти подальше. В то же время она боялась, что Фетиш-оглы вдруг обернется и спросит ее о джейране, - как ей тогда быть?

Повозка промчалась мимо камышей и приближалась к бекскому сенокосу. Тогда Сона подняла руки и закричала:

- Ай, погибла я! Джейран убежал! Братец, стой! ..

Фетиш-оглы услышал крик Соны, но не разобрал ее слов. Продолжая гнать лошадей, он повернулся и увидел через плечо, как женщина бьет руками по коленям. Тогда он натянул вожжи и остановил повозку.

- Что случилось?

- Джейран убежал! Погибла я!

- Куда убежал? Куда?

Сона указала в сторону, противоположную той, куда умчалось животное.

Чтобы не выдать себя, она старательно причитала:

- Ах, чтоб мне ослепнуть! Что я теперь скажу?

Возчик сделал несколько шагов и остановился, вглядываясь в темноту.

_ Где тут найдешь проклятого, - пробормотал он. - Как же ты его упустила?

Женщина развела руками.

- Кто мог думать, что он убежит? Видно, почуял неладное...

_ Неладное-то еще впереди, - проворчал возчик. - Эх! Как тут не сказать:

Скалы! Скалы! Туман в горах!
Кто всходил к облакам в горах!
Тяжкий сон утомил меня,
Скрылся с глаз мой джейран в горах1.

- Да нет! Я совсем не спала, просто он обманул меня, - возразила Сона. - И куда он мог убежать?

- В такую ночь тысяча джейранов сбежит - ни одного не отыщешь.

- Да ведь на нем же печать юзбаши, как он может потеряться?

Возчик громко расхохотался.

_ Что и говорить, раз печать юзбаши, то и волки близко не подойдут.

С этими словами возчик поднялся на козлы и, тронув лошадей, повернулся к Соне:

- Что ты скажешь теперь на вокзале?

_ Что скажу? При тебе же случилось. Я его не продала, не съела, не подарила. Случилась беда, пусть делают, что хотят.

- А сделают то, что потребуют с тебя джейрана.

- Я же не превращусь для них в джейрана!

В дали стали вырисовываться очертания трехэтажного дома, в котором жили англичане. Из ярко освещенных окон доносились звуки музыки.

Они становились все слышнее, громче.

Сона с восхищением смотрела на богатый дом мистера. Ей казалось, что взошло солнце, - как он ярко освещен. Взрыв веселого смеха, донесшийся до нее, как бы отрезвил ее. Она подумала:

«Так жить честно нельзя! Это воровство! Нечестивцы украли весь свет из сел и деревень, чтобы унести его в свои дома. Они обирают народ, чтобы самим купаться в золоте. Какой ветер занес к нам это дьявольское семя? Да сгорит тот, кто вверг нас в несчастье!»

Повозка остановилась. Из дома выбежал англичанин в белом кители и о чем-то спросил возчика на своем языке.

- Джейран пошел! - ответил возчик по-русски.

-Куда?

-Гуляй.

Англичанин ушел.

В окно позвали Фетиш-оглы в комнату. Через минуту умолкла музыка, прекратился смех. Все выбежали во двор. Затрещал мотор автомобиля. Господа сели в машину и, посадив с собой возчика, отправились на поиски сбежавшего джейрана.

Никто и не вспомнил о Соне. Она тихонько слезла с повозки и пустилась пешком в обратный путь.

Фетиш-оглы показал мистеру место, где сбежал джейран, и вышел из машины. Мистер велел прибавить ходу. Машина запрыгала по выбоинам. Фонари ярко освещали дорогу. Сидевшие в машине направили свет карманных фонариков на кусты, но поиски были тщетны.

Старик Мовлан, с лопатой на плече, босиком, в подвернутых до колен штанах, возвращался с полива. Когда возле него остановилась машина, он не на шутку оробел. Его стали расспрашивать, не видел ли он джейрана. Старик немного приободрился.

- Как же, видел, - ответил он. - На участке Хейрали, под белым каменным забором, бродил какой-то джейран... - И он объяснил, как туда проехать, выразив уверенность, что на такой машине можно любого джейрана догнать.

Мистер захлопнул дверцу. Шофер захлопнул дверцу, и машина сорвалась с места. Вскоре англичане заметили животное. Испугавшись автомобиля, оно бросилось в кусты. Шофер направил машину прямо за ним. Тогда джейран прыгнул в сторону и скрылся в камышах. Шофер обогнул камыши и заехал вперед. Люди вышли из машины и стали настороже, чтобы схватить джейрана, как только тот покажется. Они довольно долго прождали так, не рискуя лезть в камыши. Потом мистер вскочил в машину и велел шоферу ехать в камыши.

Шофер знал, что это грозит порчей машины, но смолчал и дал ход. Мистер стоял в машине, вглядываясь в освещенное фарами пространство; прошли несколько метров, и колеса прочно завязли в болотистой почве. Шофер долго бился, но не мог сдвинуть машину с места. Он заглушил мотор и сказал сокрушенно:

- Мотор отказал, мистер!

В наступившей тишине послышался шорох. Можно было подумать, что это ветер шелестит камышами, но, прислушавшись, мистер заметил, что воздух совершенно не подвижен, и, обрадованный, бросился вперед.

Вдруг он заметил джейрана. Люди стали преследовать животное. Мистер держал в руке револьвер, но ему жаль было стрелять: он хотел взять джейрана живым и повезти в подарок сыну. А джейран, утомленный и растерянный, бежал в кусты, перепрыгивая через канавы; чувствовалось, что он выбивается из сил.

Наконец людям удалось окружить его. Джейран стоял, прижавшись к стволу большого дерева, и, казалось, молил о пощаде. Мистер медленно стал приближаться к нему, не спуская с него глаз и будто гипнотизируя его. Подойдя к животному вплотную, он накинул свой пояс ему на шею и обнял его обеими руками.

Мистер кое-что читал о джейранах, слышал о них, видел их на картинках, даже как-то ел их мясо, но никогда не видел живого и в такой близости.

Англичанин считал, что джейраны пахнут мускусом, что у них мягкая шерсть, тонкие рога, чеканные копыта, изящная шея, большие миндалевидные глаза. Он нагнулся и понюхал брюхо пойманного животного. Кислый запах простокваши неприятно ударил ему в нос, но он решил, что, может быть, его обоняние не привыкло к аромату мускуса. Узнать животное по копытам было невозможно, потому что они

были облеплены густой грязью. Голова его была слишком велика и без рогов, но мистеру подумалось, что этот джейран еще слишком молод и рога не успели прорезаться. Удивило англичанина и слишком толстая шея животного, но и тут он попытался найти объяснение, подумав, что это особой породы джейран. При свете карманного фонарика мистер внимательно разглядывал пойманное животное. Шофер стоял в стороне и двусмысленно улыбался. Он хотел что-то сказать мистеру, но, видимо, не решался.

Вдруг животное повернуло голову в сторону деревни и оглушительно заревело.

Мистер в недоумении посмотрел на шофера:

- Разве джейраны не блеют?

- Этот не из блеющих, - уклончиво ответил шофер.

- То есть как?

Шофер больше не мог выдержать.

- Ваша светлость, это осленок.

- Что ты болтаешь? - не поверил мистер.

- Да, это шестимесячный ослик! Зря мы столько гнались за ним. Нас обманули.

Мистер пнул ослика в бок И, отойдя на несколько шагов, трижды выстрелил ему в голову.

- Я не буду гражданином Великобритании, если завтра же не накажу проклятого старшину! - выкрикнул

он со злостью. - Пусть знают эти азиаты, с кем они вздумали шутить!

Англичанин оказался человеком злопамятным. Не прошло и двух дней, как участковый пристав вызвал к себе старшину Лятифа и, сильно разругав его, отобрал у него печать и цепь - эмблему власти.

«Здорово заговорили обо мне в Лондоне! Будь проклята такая служба!» - подумал Лятиф.

Бахар вернулся с пастбища очень расстроенный. От товарищей он узнал все, что скрывала мать. Мальчик тот час собрался на поиски своего джейрана, но мать не отпустила его.

Глубокой ночью, запасшись ломтем хлеба, он тихонько выбрался из дому и направился к тому месту, где мать выпустила джейрана.

До самого утра Бахар бродил по пашням, лугам, заглядывал в овраги, искал в кустах, пронзительно свистел и звал своего джейрана. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, когда усталый и разбитый, он появился у ворот хозяйского дома.

- Чего так раненько пожаловал? - ядовито спросила его хозяйка. - Поспал бы еще! Ишь, какой бекский сынок нашелся!

Бахар молчал, потупившись.

- Ступай, ищи себе другое место! - решительно сказала женщина.

Бахар стоял в раздумье. Куда идти?

Навсегда распрощаться с деревней, уйти в горы, в леса, за умчавшимся туда джейраном? или к матери, домой? Посидеть тут где-нибудь в укромном месте и дать отдохнуть натруженным, немеющим от усталости ногам? Или пойти к пахарям и попросить у них работы? А может быть, отправиться в горы, на кочевья, поискать там доброго хозяина?

Куда идти? Бахар вспомнил о брате. Сунул руку за пазуху, извлек оттуда сложенный лист бумаги, поцеловал его, приложил к глазам и снова спрятал. Будь они здесь, не оставили бы Бахара в таком положении. Они не дали бы Бахара в обиду. Они бы непременно нашли джейрана и привели к Бахару.

Бахар посмотрел вдоль дороги и позвал громко:

- Мардан!.. Дядя Сурен!..

И в голосе его слышалась глубокая скорбь, горькая жалоба, невыносимая боль.

Бахар тронулся в путь и зашагал решительно будто впереди ему светил луч надежды.

Сосредоточенно, не оглядываясь назад, волоча по земле свою палку, шел он вверх по течению реки. Глядя на перекатывавшиеся по неровному дну вол-

ны, он словно ожидал услышать от них добрые вести из города, через который пронесла свои воды река.

«Не переплыл ли вас мой джейран? - мысленно спрашивал он у немых волн. - Не видали ли вы моего брата?»

Бахар шагал по тропинке, которая вела к станции. Ему казалось, что и брат, и бежавший на волю джейран прошли по этой тропинке; малыш готов был поклясться, что она сохранила их следы, их запахи, запечатлела даже их голоса.

Бахару казалось, что стоит ему появиться в городе и сказать имя Мардана, как его возьмут за руку и поведут к брату. Мардан обрадуется, будет расспрашивать о доме, о матери. А он расскажет о тех, кто отнял у него джейрана, и отважный брат отомстит им всем.

Ведь брат теперь не один: с ним дядя Сурен, у него товарищи, друзья!

Он слышал, что в городе много добрых людей.

Народ организованный. Одного нашего товарища надсмотрщик побил, так мы чуть весь город не разнесли. Власти уже не в силах справиться с рабочими. Есть такие рабочие, что наводят страх и на власть имущих. К нам даже один большевик ходит...

Мастер Рагим умолк, словно раскаиваясь, что проболтался. Он помолчал,но, увидев, с каким волнением слушает его Мардан, продолжал:

- Ходит тут один парень... Должно быть, из Баку. Хорошо бы рассказать ему о происшествии с Гаджи...

-А кто он?

- О, это человек! Настоящий человек! Знаешь, прямо в дра лезет с хозяевами.

- А как звать?

- Елдаш (товарищ). Но настоящее-то его имя - Яхья, а вместе выходит - елдаш Яхья. Только рабочие зовут его просто - Елдаш. Он простой рабочий с табачной фабрики Гаджи-Али, человек достой- ный, бесстрашный...

Мастер Рагим расхваливал, расхваливал елдаша Яхью, но вдруг спохватился, будто испугался чего-то.

- Только не говорите, что от меня узнали, сами поговорите с ним.

Мардану хотелось порасспросить об этом человеке, но мастер прервал его:

- Я его покажу тебе, только сам буду в сторонке.

- А чего ты так страшишься, мастер?

-Так надо.

- Если так надо, то зачем нас хочешь с ним связать?
- Вы - одно, а я - другое.
- Нет, мастер, тут что-то не так! - недовольно сказал Мардан.

Мастер Рагим начал уже раскаиваться, что затеял этот разговор, да не сумел разъяснить толком.

- Просто я хочу вам добра. Это не такой человек.
- Какая же мне польза от него? - продолжал допытываться

Мардан. - Что он, работу нам даст, деньгами поможет или защитит нас от беков?

Мастер Рагим огляделся по сторонам и сказал шепотом:

- Он составляет списки ... Записывает молодых парней, таких вот, как вы ...
- Куда записывает? - торопил его Мардан.
- Дай объясню все по порядку. В организацию записывает. У него в списке уже несколько сот рабочих. Они поставили себе определенную цель. Пойми меня, они хотят открыть глаза молодым рабочим, почему мы плохо живем. Вот какой он человек. Понимаешь? На власти он здорово сердит, никого не боится. Мардан задумался.
- Так и скажи, что он мстить хочет за нас.
-Нуда!..

- Он-то нам и нужен, мастер! - воскликнул Мардан. - Давно я ищу такого человека.

- А я тебе что говорю! - обрадовался мастер.

- Мастер, дорогой, поскорее познакомь меня с ним ... Но скажи, пожалуйста, а сам-то ты почему держишься в стороне?

Вопрос этот смутил мастера, он встал и начал оглядываться, словно искать что-то.

- Я мирный человек ... - пробурчал он недовольно.

- Ну, и будь мирный.

- А этого товарищ Яхья не допускает. Он говорит: драться надо. Он говорит: ни один хозяин по доброй воле своей копейкой не поступится, от власти не откажется. Рабочий может отстоять свои права только в борьбе. Много книг он читает, из них доказательства приводит. О, это очень знающий человек. Он и слышать не хочет о мире, о соглашении.

- Что до меня, я тоже не примирюсь, если все по-старому останется. Ради бога, мастер, когда ты покажешь мне товарища Яхью?

На другой день товарищ Яхья взял с собой Мардана и Сурена в подвал фотографа Багира на собрание. Здесь они впервые услышали о целях и задачах рабочих; здесь они выслушали доклад о великой революции, которая произошла в октябре, о Вожде рабо-

чего класса Ленине; здесь они увидели учеников великого Вождя, дали клятву верности и записались в комсомол.

К концу собрания, когда все встали и, взволнованные, тихо запели «Интернационал», оба крестьянских парня почувствовали себя в рядах новой могучей армии. Они были бесконечно рады и счастливы, что после долгих поисков нашли наконец верный путь, соединились со своими товарищами по убеждению. Они обнимались и целовались с новыми друзьями, задавали товарищу Яхье волновавшие их вопросы. А тот охотно отвечал им и попутно рассказывал о предстоящих на Кавказе великих битвах, о революционной борьбе в Петрограде, Москве, Баку, Тифлисе и ближайших задачах Коммунистической партии.

- Сила, создавшая в России свободный мир, даст избавление и нам. Мы должны быть готовы выступить по первому зову партии, потому что молодежь - ближайшая помрщница партии...

Мардан сколотил себе небольшой лоток, вроде неглубокой коробки, прибил к нему с двух сторон старый пояс товарища Яхьи.

На дне коробки были аккуратно уложены прокламации. Их скрывал обычный копеечный товар улично-

го торговца: папиросы, нарезанная мелкими ломтиками нуга, ореховая халва. Еще раз оглядев свой лоток, Мардан повесил его на шею и вышел из дому...

На собрании, когда Яхья назвал имя Мардана, рекомендуя поручить ему распространение листовок, многие комсомольцы заколебались. Некоторые даже выступили против этого предложения, говоря, что Мардан «еще не варился в комсомольском котле».

Мардан сидел сам не свой. От волнения он то снимал, то надевал шапку, искал что-то в карманах, порывался встать, но вдруг почувствовал страшную слабость. Ему так хотелось сказать товарищам о своей преданности. Он готов жизнь отдать за комсомол ...Но Мардан только умоляюще глядел в глаза Яхье.

- Я понимаю вас, друзья, - сказал Яхья, обращаясь к комсомольцам. - Но вы можете поверить мне, я не стал бы рекомендовать вам человека, в котором не был бы совершенно уверен.

Мардана сама жизнь привела к нам. Сирота и бедняк, он родной сын революции, он с нами душой и телом. Я настаиваю на своем предложении. Поручим это дело Мардану.

- А вот сладкая нуга, нуга! - кричал Мардан, расхаживая по полутемному сырому лабиринту крытого рынка.

Покупателей здесь было мало. Он ускорил шаги и вышел на площадь. Каждый встречный казался ему мусаватистом. Особенно напугал его извозчик, подозрительно озиравшийся по сторонам.

«Вдруг он таких, как я, и высматривает, чтобы сцапать? А этот в длинной чохе и красном кушаке? Как он свирепо глядит! Черт!.. Нет, не он один, все они смотрят так! Они поджидают седоков!

Пусть не думает, что я его боюсь», - решил Мардан и закричал во все горло:

- Кому сладкой нуги! Вот сладкая нуга!

Услышав его крик, извозчик с досадой повернулся к нему спиной.

За углом Мардан увидел толпу. Оттуда доносились звуки саза и пение. Мардана словно взяли за плечи и властной рукой подтолкнули к толпе.

«Как бы чего не вышло! - подумал он. - Что я делаю?. Ведь так легко попасться». И он отошел в сторону. Но тут кто-то из толпы позвал своего приятеля:

- Состязание начинается! Скорей! Состязание! ..

Мардан не в силах был отказаться от такого зрелища. Он решил только взглянуть и тотчас уйти. Сдвинув коробку со сластями набок, под пиджак, он при-

соединился к толпе, плотным кольцом окружавшей участников состязания. Одного из них Мардан сразу узнал: это был ашуг Аббас, краснобородый мужчина с приятным и добрым лицом, которого он не раз видел на свадьбах.

Он один во всем районе носил окрашенную хной бороду и не стриг голову. Его частенько спрашивали:

- Эй, ашуг, зачем это ты бороду отрастил и волосы на голове бережешь?

- Бороду я отрастил назло цирюльнику, а волосы на голове - назло моллам, - не без лукавства отвечал народный певец.

Аббас плавно ходил по кругу, покачиваясь и притоптывая ногою. Его противник стоял на месте. В толпе говорили, что он - поэт. Среднего роста, с черными усами и большими острыми глазами, он выглядел гораздо моложе Аббаса. Несмотря на его потрепанную одежду, по всей его фигуре и сдержанным движениям было видно, что это не простой, не обыкновенный человек. Взгляд его внимательных и, казалось, неудовлетворенных глаз пронизывал насквозь. Когда поэт глядел на туманный горизонт, казалось, что он ждал появления какого-то нового солнца.

Ашуг пел. Мардан был поражен необычайностью его стихов.

Аббас говорил не о возлюбленной, не о кудрях, не говорил и о цветах и соловьях. Он пел о бедности и богатстве.

Если в общество входит он -
Бьют его, выгоняют вон.

Слово скажет - со всех сторон
Завопят; «Уходи, бедняк!»

и бранят его, и корят.

Дни темны для него подряд.
На пирах богачи сидят.
Честь и ласку найди, бедняк!

- Да, правду говорит ашуг! - послышалось из толпы.

у богатых вкусна еда,
их подушки мягки всегда!

у дверей, как велит нужда,
Молча корчась, сиди, бедняк!

- Что же ему остается, как не корчиться? - не выдержал кто-то из слушателей.

Дни и ночи проплачь - молчи!
Хлеб отнимет богач - молчи!

От невзгод, неудач - молчи!
Ниже кланяйся, жди, бедняк!

Кто твою будет слушать речь?
Пусть бранят в лицо - не перечь,

Головы тебе не сберечь,
Счастья нет впереди, бедняк!

«Ну, это ты зря, ашуг! - подумал Мардан. Он не понял сатиры, заключенной в песне ашуга, и стал ему возражать про себя. - Это было раньше. А теперь редко встретишь такого покорного бедняка. И как ему оставаться покорным после того, как он прочитает эти листовки, поймет свои права, сойдется с коммунистами? Нет, ашуг, ты недоглядел чего-то. С севера встает над бедняком такое яркое солнце, что оно навсегда прогонит тьму прочь».

Мардан готов был сказать все это громко, но ему этого не поручали.

- А вот сладкая нуга! - нараспев выкрикнул он, отходя в сторону.

Народный поэт продолжал:

я - ашуг Аббас - гол и нищ!
Как о славе ТУТ возомнишь ?
Скачет князь к тебе, - что стоишь!
В грязь затопчут, беги, бедняк!

- в толпе кто-то всплеснул руками.

- Здорово сказал ашуг! Беги, чтобы тебя не затоптали, не раздавили! Вот здорово!

После Аббаса выступил поэт. Он стоял, положив одну руку в карман, а другую про стер вперед, будто показывал что-то вдали.

Как и ашуг, он говорил наизусть, читал отрывки из стихов великих поэтов прошлого и современных поэтов. Говорил он с таким жаром, так вдохновенно, что отрежь палец слушателю, тот бы и не почувствовал. Взоры всех были устремлены на разгоряченное лицо поэта, на его нервно вздрагивавшие губы.

Поэт то обращался к стоящим впереди мужчинам, то клал руку на плечо какого-нибудь завороженного его чтением юноши. Поэт жаловался на неверных друзей и посылал проклятия насильникам.

в горе не жил бы мир, жизнь кляня, подожди!
Если б гнет не ходил, нас клоня, подожди!

Я бы голову злому врагу раздавил,
Но друзья окружили меня - подожди!

к другу ласково ты подойди, добрым стань.
Мудрость, знанье и счастье найди, умным стань

Не глядите по-волчьи, не мыслите зла.
Ложь исторгни навек из груди, честным стань.

- увидев школьников, стоявших впереди, поэт приблизился к ним и произнес:

Мы стареем, растете вы, наши сыны,
Как цветы, что еще ожидают весны.

Я назвал бы твореньями вас, но не прав,
Ибо сами вы строить, творить рождены.

- Это четверостишие Омара Хайяма, - пояснил кто-то. Поэт продолжал, устремив глаза вдаль:

Вот пришло мое утро - настал мой рассвет,
Но завистник кричит у дверей мне чуть свет:

«Ах, открой, - говорит, - обнимемся друг».
Лишь я дверь отворил, он взглянул и ослеп.

Вот он, мой клеветник, руку жмет на лету,
Но коварство его на лице я прочту.

Он спросил, как живу, вновь спросил, я сказал:
«Что ж, продай мне скорей на меня клевету».

Шли мы с другом одним по дороге лесной.
Он меня уговаривал: «Ляг под сосной.

Спи спокойно, я рядом! .. » Сказал я: «Прости
Я заснул бы спокойно, не будь ты со мной».

Рядом с Марданом стоял какой-то человек, судя по всему - купец. Он пробурчал себе под нос:

- Кто говорит, что это стихи Хайяма? Хайям никогда таких слов не говорил! Это его собственные сочинения.

Теперь поэт обратился к ашугу Аббасу:

Вот загадка для вас. В мир огромный взгляни.
Разгадавший продлит свои славные дни:

«Почему это в поле работаем мы,
А едят, наслаждаются ханы одни?»

Аббас как бы в недоумении развел руками. Этот жест был понятнее всяких слов. Наступила минутная тишина. Люди стояли, опустив головы.

Многим вспомнились строки Сабира:

…**Труд - батрака, ярмо - быка, земля кругом - твоя,**
Лентяя-бека жадный рот на что тебе, аллах?

Какой-то школьник неожиданно произнес громко:

- На что тебе, аллах?

А какой-то старик поднял голову к небу и сказал возмущенно:

- Как ты перепутал все в мире, аллах! ..

Увидя, как он тронул своими словами сердца слушателей, поэт обрадовался и, высоко подняв руку, обратился лицом к северу. Голос его звенел: в нем слышен был горячий призыв.

Толпа замерла. Воцарившуюся тишину нарушил грубый оклик полицейского, подошедшего к поэту:

- Ты что тут агитацию разводишь, бродяга! Ступай за мной!..

- За что? Ведь он читал стихи Хайяма! - возмутился один из слушателей.

Полицейский накинулся на него:

- К черту и Хайяма, и тебя!

Мужчина, выражавший сомнение в том, что поэт декламировал стихи Хайяма, поддержал городового:

- Это - большевик. Его давно проучить надо.

Толпа пришла в движение. Поэт рванулся из рук полицейского:

Пусть порвутся все цепи, ты счастливым будь!
Пусть от сердца до сердца протянется путь!

Кто-то попытался заступиться за поэта, говоря, что он пьян и не может отвечать за свои слова. Купец рассвирепел:

- Что значит пьян? Пьяный-то и болтает правду.
- Если он говорит правду, за что же хватать его? – наивно спросил забредший сюда с гор крестьянин.
- Правду говорить запрещено, что ли? - не выдержал Мардан.
Полицейский толкнул поэта вперед. Как бы прощаясь со своими слушателями, тот прокричал:

Крикни людям, пусть траур наденут, заплачь!
Пусть обрушится мрак - и колюч, и горяч.

Пусть ослепнут глаза, чтоб не видеть вовек,
Как свободу на казнь провожает палач'.
Эти слова еще более взволновали наэлектризованную толпу.
Отовсюду послышались возмущенные голоса:
- Что вы мучаете невинного человека?
- Хотите заткнуть глотку тем, кто говорит правду?
- Палачи, негодяи!
- Погодите, придет на вас управа!
Взволнованная толпа наступала, пытаясь освободить поэта.

'(Для настоящей главы все стихи перевел Н. Асанов.)

Струсивший полицейский приложил к губам свисток, и к нему поспешили на помощь Другие полицейские. Они рассеяли толпу и увели поэта.

Арест поэта глубоко огорчил Мардана, но в то же время мужественные, пламенные стихи наполнили его сердце радостью.

Он видел, как горячо встречают бедняки слова справедливости. И еще крепче поверил в неизбежность и близкую победу революции. Ему страстно захотелось занять на площади место поэта и громко, во весь голос, прочитать народу прокламацию, спрятанную в коробке под грудой сластей...

Мардан решительным шагом направился к шелкоткацкой фабрике. Он торопился: в шесть часов вечера у рабочих будет перерыв.

Несколько прохожих купили у Мардана нуги, но прокламации он им не дал. Среди покупателей был один юнкер. Он взял на тридцать копеек нуги.

- А бумаги нет - завернуть?

- Нет, - ответил Мардан, покраснев при мысли, что юнкер сунет руку в ящик и достанет сложенные там прокламации.

Но юнкер не настаивал и, забрав покупку, отошел.

у фабрики рабочие тесным кольцом обступили Мардана. Здесь уже он не жалел «бумаги» и всем завертывал покупку. Отсюда он отправился на вокзал, - Яхья советовал ему не задерживаться долго на одном месте. Прокламаций у него еще оставалось много.

Мардан побежал в буфет, где всегда толпилось много народу.

Здесь он раздавал прокламации направо и налево, как театральные объявления.

Когда он вышел на вокзальную площадь, где стояли извозчики, у него осталась только одна прокламация.

«Эту оставлю себе! - подумал он и тут же улыбнулся: - А на что мне? Я сам прокламация! Отдам и эту какому-нибудь бедняку, пускай прочитает!»

В этот момент он услышал звон шпор. К нему подходил полицейский.

- Нуга есть, племянник?

- Сколько вам?

- Все равно, - ответил полицейский.

Позади кто-то многозначительно кашлянул. Мардан обернулся, увидел обращенные на него сочувственные взоры прохожих и сразу понял, в чем дело.

- А ну, открывай коробку! - закричал полицейский.

Нагнув голову над лотком, Мардан незаметно сунул скомканную прокламацию в рот и поднял крышку. Ничего не найдя в лотке, полицейский схватил Мардана за горло и стал вытаскивать бумагу изо рта. Мардан изо всей силы оттолкнул полицейского, и быстро разжевав размокшую бумагу, с усилием проглотил ее.

Полицейский хлестнул его плетью. В этот момент позади Мардана раздался крик. Это били носильщика.

- Зачем ты кашлянул, собачий сын? Говори сейчас же, зачем ты кашлянул? Чахотка тебя возьми!

Носильщик пытался защищаться, подставляя под плеть локоть, и кричал возмущенно:

- Да что же это, в самом деле? И кашлянуть уже нельзя? Где это видано, чтобы и кашлять запрещали?

И Мардан, и носильщик были арестованы.

Глава восьмая

Собаке брошу, но чужаку не продам!

Раннее осеннее утро. Пожалуй, даже не утро, потому что было еще совсем темно, но тот час, когда трудно определить, какой выдастся день - солнечный или пасмурный, дождливый.

Казалось, все живое застыло в трепетном ожидании того мгновения, когда улыбающееся солнце совлечет с целомудренного лица земли покрывало ночи, когда откроется все скрытое и предметы обретут краски.

Извилистая грязная дорога кишит людьми. Чем ближе к городу, тем она становится шире; в медленно тающем мраке люди начинают узнавать друг друга.

Все они держат путь в город. Один гонит корову, другой овец, третий везет на ослике кувшин с бекмезом - фруктов о - ягодным соком. Плетется бедняк с тяжелой вязанкой дров на спине. Молодая женщина несет яйца, переложенные соломой. Корзинка у нее без ручки, и женщина прижимаетее к груди, словно дитя. Долго собирала она эти яйца, чтобы выручить хоть немного денег. Широкоплечий чернобородый

мужчина несет под мышкой большого петуха, а в руке - мешочек сушеного кизила; у него развязался шнурок на чарухе, и он отходит в сторону, чтобы завязать его. Никто не обращает на него внимания, все спешат, все хотят поспеть к воскресному базару.

Лица крестьян мрачны, как и это осеннее утро. Где солнце, которое разгладит их морщины, сотрет следы горя и лишений? Глядя на них, можно подумать, что их насильно стащили с теплых постелей. Неведомая сила гнала их на базар, навстречу алчным торговцам с набитыми карманами. У одних на лице написано недовольство, у других глаза горят гневом и негодованием; казалось, эти глаза ищут ту незримую силу, которая обрекла народ на нищету и страдания. Скоро путники достигнут базара, распродав за бесценок свое добро, они купят у спекулянтов лишь самое необходимое: немного пшена, стекло для семилинейной лампы, колесной мази, обрезки кожи, варташенской махорки, несколько аршинов бязи, стакан, замок на дверь, сахарину, расческу, капли от желудочной боли...

По этой дороге плетется и Сона. Это - первое ее путешествие на базар. Она несет все свое богатство - ковер с изображением Юсифа и Зулейхи.

Больше двух десятков лет берегла она этот ковер. Каждый раз, совершая большую уборку сакли, она доставала его, разворачивала и, досыта налюбовавшись на своих героев, снова прятала его.

У нее была заветная мечта: в день свадьбы Мардана своими руками убрать саклю и повестить на передней стене ковер, подарок новобрачным. Ковёр был этот символом горячей любви, предание о которой существовало века, символом материнской нежности и труда, материнского благословения любимому сыну.

Настали тяжёлые дни. Мир пришёл в смятение. Дети Соны осиротели. Нужда изменила и лицо, и голос, и движения Соны. Не могла она убить лишь мечту. Эта мечта давала ей силу высоко держать голову, неразрывными узами связывала её с жизнью, поддер живала в ней ощущение независимости. Над мечтой её проносились ураганы и метели, вражеские руки тянулись к ней, чтобы смять и уничтожить её. Порой Соне казалось, что вот-вот рассеется её мечта и вместе с нею кончится её жизнь, погаснет для неё свет, и тогда сердце её трепетно сжималось от боли. Но мечта продолжала жить в её груди.

Истомленная горем и нуждою, Сона то и дело присаживалась на мокрые от росы камни у края дороги

и печальным взглядом провожала двигавшихся мимо людей. Казалось, присела она не ради отдыха, а для того, чтобы поведать всем грустную повесть о разбитых надеждах, об обманутых мечтах ...

Узнав об аресте сына, Сона рыдала, в отчаянии взмахивая руками, била себя по коленям. Наплакавшись, она пошла за советом к старику Мовламу, который и предложил ей продать ковер, единственную в доме вещь, которая могла пойти за хорошую цену.

И вот Сона понесла своих любимцев Юсифа и Зулейху на базар. Продав ковер, она собиралась вернуться в село, купить у когонибудь из богатеев пуда два муки, испечь хлеба и отправиться с остатком денег в город, чтобы любыми путями добиться освобождения Мардана и возвращения его в родной дом, надо было также разыскать неожиданно вылетевшего из гнезда Бахара, а для этого нанять глашатаев, чтобы они выкликали по всем улицам и площадям имя исчезнувшего мальчика.

Базар, обнесенный со всех сторон ветхой, полуразрушенной стеной, кишел, как муравейник. Кого только здесь не было! В одну плотную массу смешались и продавцы, и покупатели, и нищие.

Ржание лошадей, блеяние овец, голоса маклеров, звон денег сливались с пением дервишей, с жалобными призывами попрошаек.

Сона с любопытством разглядывала светловолосого человека в короткой, до колен, клетчатой юбке, с обнаженными коленями.

Люди указывали на него друг другу и шептали:

- Англичанин!

А англичанин чувствовал себя здесь в своей стихии. Он шагал крупными шагами, гордо вздёрнув голову, ко всему приглядываясь, всё щупал руками, никого ни о чём не спрашивая. Люди провожали его полными ненависти глазами, словно хотели сказать: «Прокляты будьте, впустившие к нам этого зверя!»

Возле него вертелся, поминутно кланяясь, какой-то купец в долгополом платье. Сона вспомнила мистера, который отнял у её Бахара джейрана, и тяжело вздохнула. Отыскав свободный уголок, она расстелила свой ковер и стала ждать покупателей, стыдливо прикрыв нижнюю часть лица кончиком головного платка.

С тоскою она смотрела вокруг. Глубоко ввалившиеся глаза придавали её лицу угрюмое, недоброе выражение. Но прохожие смотрели не на неё, а на ковер.

Ковер же, казалось, освещал своей красотой всё вокруг.

Люди подходили с наслаждением подолгу любо вались изумительной расцветкой и мастерством изображения. Одни спрашивали о цене, другие интересовались происхождением ковра, третьи заводили разговор о том, откуда сама хозяйка ковра и зачем она его продаёт, Сона отвечала коротко и резко:

- Да, вот смотрите! Проклятая нужда! Ребята голодают, вот и вынесла на продажу...

Вскоре купец в долгополом платье приметил ковер и, рассьшаясь в восторженных похвалах, стал показывать его англичанину. Пощупав его, он шепнул купцу несколько слов. Тот обратился к окружающим их людям:

- А где хозяин?

Ему указали на Сону. Наклонившись к ней, купец спросил с ласковой улыбочкой, точно давний знакомый:

- Сколько просишь, сестра?

Сона смутилась.

Она ещё в деревне думала посоветоваться, какую цену назначить за ковер, но утром заторопилась и совсем забыла о своём намерении, схватила ковер и

пустилась в путь. Сама она не могла бы назвать цену этой вещи, потому что вещь не предназначалась для продажи и цену её выразить в деньгах было очень трудно, а для неё и вовсе невозможно. Будь покупатель близким ей человеком, она сказала бы ему просто: «Возьми ковер и дай мне немного муки и денег на избавление Мардана из тюрьмы».

Но сейчас надо назвать купцу определенную цену, потому что англичанин хотел купить, и цену обязательно в деньгах, потому что англичанин все покупал на деньги. Всем своим поведением англичанин напоминал человека, нашедшего наконец то, что он давно искал. Он поворачивал ковер на изнанку, осматривал бахрому, щупал ворс, проверял краски, ковырял пальцем узлы. Люди с любопытством следили за ним. Толпа вокруг ковра увеличивалась - всем хотелось полюбоваться ковром, присутствовать при его продаже.

- Ему не верится, что это ручная работа! - сказал кто-то из толпы. - И как поверить? Редко попадаются теперь такие ковры.

- Честь и слава пальцам, выткавшим его! - подхватил другой.

- Пальцы, пальцы! - вспомнил третий с горечью. - Вечно ноющие от работы мозолистые пальцы! А ты

погляди-ка на этого молодца! - кивнул он в сторону чужестранца. - Он сцапает ковер, словно коршун, и увезет в свой Лондон.

Купец бросил на него свирепый взгляд. Из толпы любопытных послышался недовольный голос:

- Гляди, приятель уже роется в кармане.

- Братцы, - сказал какой-то крестьянин, - за этот товар никаких денег не жалко.

Купец стал торопить Сону с ответом:

- Сестра, скажи наконец цену. Мы по купаем ковер.

Сона поглядел а на купца и вздохнула. С трудом проглотив слюну, она отвела взгляд и задумалась. Казалось, она лишилась языка. Сона понимала все значение этой минуты. Одно слово - и прощай навеки ковер, прощай, мечта, лелеянная годами. Не станет Юсифа и Зулейхи, потеряет она свое последнее утешение. Она чувствовала себя так, как если бы стояла перед тяжелой необходимостью продать бессмертную и чистую любовь. И не находила в себе сил назвать цену. В то же время нельзя было и молчать.

Англичанин волновался, он терял терпение.

Согнув голые красные колени, он снова присел на корточки, еще раз тщательно исследовал кайму, узоры, ткань. Затем, поднявшись, он подержал ковер

перед собой, передал его купцу, чтобы тот развернул его и показал, как будет выглядеть ковер, когда его повесят на стене.

Купец угодливо развернул ковер во всю ширину. Англичанин посмотрел вблизи, потом отошел и посмотрел издали, поглядел с боков, нагнулся и взглянул снизу. Не пытаясь скрыть радость, что-то сказал купцу, тот ответил с подобострастной улыбкой.

Никто не вмешивался в их разговор. лишь из задних рядов один сказал громко, точно желая предупредить Сону:

- Они дадут любую цену!

Купец повернулся в ту сторону, откуда послышался голос, но ничего не сказал, чтобы не привлекать внимания Соны.

Подавляя в себе раздражение и гнев, купец обратился к толпе:

- Братья-мусульмане! Отойдите в сторону! В чем дело? Что тут, обезьяну показывают, что ли?

Молчать больше было нельзя. Ухватившись за угол ковра, Сона проговорила:

- Десять золотых!

Кто-то в толпе с досадой хлопнул себя по колену. Какой-то молодой рабочий громко ахнул и, сокрушенно качая головой, побрел прочь. То ли он боялся

вступить в драку с англичанином, то ли не желая видеть, как будут уносить Юсифа и Зулейху,

- Отдавайте, отдавайте! - с горечью повторил он. - Пускай увозят для своих любовниц! Пускай те, что выткали этот ковер, валяются на голой земле!

Сона услышала сокрушенные слова рабочего, но делать было нечего. Одной рукой она держалась за уголок ковра, а в другую руку англичанин уже отсчитывал ей золотые из своего кошелька: раз, два, три...

Сона ощушала холодное прикосновение золотых, падающих на ее ладонь, и неотрывно смотрела на окружавшую ее толпу, которая явно ей сочувствовала, готовая разделить ее горе. Слова молодого рабочего продолжали звучать в ее ушах. И вдруг, словно неожиданный луч прояснил ее сознание, она обрела способность размышлять:

«Почему это мы оказались недостойными джейрана, который был пойман моим сыном? Почему меня лишают радости любоваться моим сыном? Почему меня лишают радости любоваться мною же выткан-ным ковром? Кто они, эти мистеры, где награбили они золото, которым платят? Откуда они? Где их страна? Почему все лучшее, все красивое должно доставаться им? Почему?..»

Эти мысли встали перед Соной во всей своей неумолимости, а перед глазами ожил вдруг далекий, незнакомый, большой город и дом в этом городе. Этот сероглазый англичанин с голыми коленями, напившись допьяна, лежит на кровати и с самодовольством разглядывает азербайджанский ковер на стене. Разглядывает вытканные пальцами азербайджанские узоры ... и на лице его появляется наглая усмешка.

Дрожь пробежала по телу Соны, нервы натянулись, как тутие струны. То ужасное, что она видела в воображении, вдруг продлилось наяву: перед нею живой англичанин, он смотрит на прекрасные узоры ковра, на нее, на ее пальцы, создавшие эти узоры много лет назад, на ее поруганное достоинство. Высокомерно смотрит он на азербайджанскую женщину, словно она со дней цветущей юности обязана была трудиться на него как рабыня.

Все обиды, перенесенные за долгую жизнь в нищете, вспыхнули ярким румянцем на ее впалых щеках.

Она словно пробудилась ото сна. Взглянула на свой ковер и вдруг увидела перед собой родную землю, ее сады и пашни, ее цветы и луга! По склону горы рассыпались отары, и овцы, громко блея, смотрели на Сону. Пастухи и сторожа смотрели на Сону. Талантливые девушки, создавшие образцы искусства, и

гордые сыновья родины смотрели на Сону. И во всех этих взглядах бьm один призыв, громкий, повелительный:
«Сона! Сона!»
Казалось, все они в этот момент ждали ее решения, ее движения, ее слова.
Может ли она продать эту святыню?
Даже в пасмурном небе Сона угадывала недовольство и осуждение.
Она повернулась к англичанину. Тот стоял, гордо выпятив грудь, и самодовольно ухмылялся. С его пальцев золото стекало, как кровь истерзанных им людей. Он казался Соне египетским тираном, поработившим прекраснейшего из прекрасных, самого чи того, самого целомудренного из смертных - Юсифа.
«Что ты делаешь! Это не Египет, а Азербайджан, и с эпохи рабовладельчества прошли тысячи лет. И ты не Юсиф, а Сона, воспитавшая такого джигита, как Мардан! Что ты делаешь?»
Задыхаясь от гнева, Сона швырнула золото наземь.
-Не продаю!
-Что? Как?
-Не продаю!
Собравшиеся обомлели от неожиданности.
- Если мало, бери пятнадцать!

-Не продаю!

- Пусть будет двадцать!

- Я лучше накроюсь им вместо одеяла!

- Ладно, вот тебе тридцать!

- Мне надеть нечего, я закутаюсь в него.

- Бери пятьдесят и в придачу платье!..

Чем больше суетился купец, тем мужественнее и упорнее отвечала Сона:

-Не продаю!

- Ну возьми его! Понимаешь, сто золотых! Где наше не пропадало!

- Англичанину не продаю!

- Сестра, не англичанин покупает! Ты же видишь, это я покупаю, я сам, твой брат-мусульманин!

- Сказала - не продам, и кончено!

Сона стала торопливо свертывать ковер. Англичанин с удивлением следил за ней. Дуновение от ковра коснулось его лица. Поняв, в чем дело, он быстро задвигал челюстями, сыпля непонятными словами.

Купец перевел:

- Слушай, что он говорит. Куда бы ты не ушла, говорит, я все равно куплю его! И правда...

Сону прорвало.

- Собаке брошу, но чужаку не продам! - решительно сказала она, окинув купца и англичанина ненавидящим взглядом, и резко отвернулась.

Она заторопилась так, будто дома у нее масло в котле перекипало.

Вслед ей смотрели две пары алчно горевших глаз.

Сона шла не оглядываясь, с высоко поднятой головой.

Сотни людей провожали ее восторженными взглядами, в которых отражались одобрение и признательность.

- Молодчина женщина!

- Честь и слава такой женщине!

Сона опомнилась, когда прошла уже добрую половину пути и очутилась среди поля, ласкавшего взор изумрудом озими.

Туман рассеялся.

Глава девятая

ОДНАЖДЫ В МЕТЕЛЬ

Его рваная шапка темнела на снегу, никому не нужная, как и ее хозяин. Бахар шел, понурив голову, не отдавая себе отчета в том, куда идет, но будучи уверен, что Мардан и Сурен прошли этим путем. Он не отрывал глаз от тропинки, как будто искал на ней следы их ног. Не заметив даже, как долго он шел, Бахар увидел себя вдруг у железнодорожной станции. На привокзальной площади стояли фаэтоны, перед лавочками беседовали какие-то люди в серых папахах, опоясанные ремнями с серебряной насечкой. Издали доносились гудки паровоза. По каменистой мостовой тарахтели арбы.

Бахар остановился в растерянности, не зная, что делать: то ли возвращаться назад, то ли оставаться здесь. Какой-то парень с винтовкой на ремне обратил внимание на озиравшегося деревенского мальчика. Он подозвал Бахара и, расспросив, кто он и откуда, повел его в чайхану, напоил чаем с сахаром. Когда Бахар поел и отогрелся, незнакомец предложил ему поступить на работу в мясную лавку отца.

www.kitabxana.net və YYSİB-nin müştərək nəşri

- Мы будем тебя кормить и одевать, - сказал он. - На обед у нас всегда жирная баранина, - соблазнял Бахара парень.

Бахару понравилось предложение человека, который показался ему таким добрым. Мальчик был рад, что, оставшись в городе, будет иметь возможность искать брата.

- Ну что ж, - застенчиво сказал Бахар.

- Согласен?

- Согласен!..

Бахар хотел было спросить сына мясника о своем брате, почему-то вспомнил о спрятанной на груди бумаге и прощупал ее руками, но ничего не сказал.

Человек с винтовкой поручил Бахара какому-то возчику:

- Отвезешь его к отцу. Пусть испытает, годится ли.

Возчик согласился, но добавил:

- Сегодня уже поздно. Я выеду завтра.

Ночь Бахар провел в его доме. Наутро возчик повез Бахара в город, в мясную лавку Мешади-Аббаса, помещавшуюся в самом начале мясных рядов.

У лавок теснились покупатели с корзинами и сумками в руках. Мясники снимали с крюков бараньи туши и рубили их остро отточенными ножами.

Возчик с трудом пробил себе дорогу в густой толпе к лавке Мешади-Аббаса.

- Дядя Мешади!- позвал он. - Этого мальчика твой сын прислал.

Мешади кивнул головой и сказал:

- Пусть подождет.

Бахар приткнулся в углу лавки и стал следить за тем, как ловко орудует ножом хозяин. Мальчик устал, проголодался, тосковал по матери и все же был рад, что попал в город. Здесь было много народу; он видел вещи, о которых раньше не знал. Здесь Мардан, и они вскоре встретятся.

Бахар подождал до обеда. Его мучил голод. Он чувствовал, как слабеют и подкашиваются ноги, но боялся присесть на пол.

«Мешади рассердится! - думал он. - Еще прогонит!»

Наконец Мешади отпустил всех покупателей и, устроившись на тахте, взял в рот кончик длинной, как змея, кишки. Другой конец «змеи» был прикреплен к стеклянной посуде с водой. Когда Мешади втягивал воздух, вода в посуде булькала и пузырилась.

Бахар никак не мог понять, что делает хозяин. Ему показалось, что он пьет шербет. Но почему не прямо из стакана или кружки! К чему такие сложные приспособления?

«Наверное, это горячий шербет, - решил наконец Бахар. - И он пьет через кишку, чтобы не обжечься ... »

Наконец Мешади-Аббас подозвал мальчика, спросил, из какого он села, чей сын, что умеет делать. Осмотрел его руки, поднял папаху.

- Ступай, пусть остригут тебя! - сказал он.

Но Бахар не понял его. Тогда хозяин за руку вывел его из лавки и показал на дом с выкрашенным в синий цвет окном.

- Мастер Муртуз, приведи в порядок мальчика! - крикнул он. Первый раз в жизни сидел Бахар перед таким большим зеркалом. Мальчик, смотревший на него из зеркала, совсем не был похож на него и напоминал скорее какого-нибудь из его сельских товарищей. Бахару стало смешно; невольная улыбка осветила его хмурое, озабоченное лицо. Ему подумалось, что смеяться при посторонних людях неудобно, что он может показаться мало воспитанным мальчиком, - Бахар быстро подавил улыбку, снова насупился и поднял глаза на цирюльника. Казалось, цирюльник понимал владевшие им чувства и читал его мысли.

- Смеёшься? - добродушно сказал он.

Бахар не нашёлся, что ответить.

- Отчего же тебе и не смеяться, - с тем же добродушием продолжал цирюльник. - Спасибо Мешади, под его рукой будешь смеяться!..

Бахару показалось в этих словах что-то лестное по адресу его хозяина, и это обрадовало его.

Он промолчал.

Осень Бахар провел у Мешади-Аббаса.

Словно из небесного решета, четыре дня сыпал снег. Потом разразился ливень. А теперь мороз сковал землю.

Пешеходы осторожно, держась друг за друга, цепляясь за стены, ступали по скользким тротуарам, будто покрытым блестящим гладким стеклом. Стоило поскользнуться одному, как все валились на обледеневшую дорогу.

Даже мороз и холод лавочники превратили в забаву. Не так больно от самого падения, как обидно слышать насмешки и улюлюканье ротозеев.

- Вот жадюга! Чего ты обнимаешь землю, все равно ее тебе не дадут!

С наступлением холодов Бахару стало совсем невмоготу.

Однажды Бахар проходил мимо дома, где жил Яхья. Жена Яхьи вышла к воротам и стала рыться в корзине. Из комнаты донесся голос:

- Сестра, не бери! Ничего хорошего там не найдешь!

Бахар повернулся на голос, который показался ему знакомым и приятным, даже родным.

- Кто это, тетя? - спросил он, заглядывая в ворота. - Откуда он знает, что у меня товар плохой? Пусть сам посмотрит... Вот печенка хорошая!

За оголенными ветками деревьев виднелись занавешенные окна квартиры Яхьи. Там находился Сурен, который обсуждал с Яхьей способы избавления Мардана из тюрьмы!

Жене Яхьи не понравилось, что мальчик заглядывает во двор.

- Какой ты наглый! - стала она выговаривать ему, - Чего заглядываешь в чужие дворы?

- Да я не заглядываю, тетя! Я думал, покупатель идет! Не сердись, пожалуйста!

Платья ему дали засаленный брезентовый передник. По утрам он отправлялся на бойню, нагружал арбу тушами и доставлял их в лавку. Заодно Бахар должен был ухаживать за лошадьми. Потом хозяин рассчитал, что ему невыгодно держать лошадь. Сговорившись, мясники наняли возчика, и однажды хозяин сказал Бахару, что он может убираться вон. Огорченный мальчик побрел к двери, но хозяин вернул

его. Бахар был послушным и работящим, и хозяин решил оставить его при лавке.

Бахар выполнял всевозможные работы в лавке и в доме Мешади-Аббаса. Семья хозяина была большая, друзей, приятелей и посторонних покупателей у него было много, и каждый распоряжался Бахаром. Мальчик работал, не зная отдыха, до боли в ногах, до головокружения. Бывало, что он засыпал на ходу, поэтому часто бегал к канавке и мыл лицо холодной водой, чтобы отогнать сон. С нетерпением и надеждой ожидал он наступления ночи, когда уснут все, кто считал себя вправе давать ему поручения, чтобы уйти в конюшню, но, прежде чем отпустить его, Мешади-Аббас давал ему поручения на утро. Сложив в корзину не проданные за день бараньи внутренности и передавая Бахару, мясник наказывал ему:

_ Встанешь пораньше и побежишь на окраину, где сходятся четыре дороги. Там много бедноты. Стоит тебе раз-другой крикнуть - вмиг набросятся и раскупят. Если все спустишь, я тебе гривенник на изюм подарю.

Бахар брел на окраину. Босые ноги скользили по грязи. Тяжелая корзина резала ему пальцы, и он то и дело перебрасывал ее с руки на руку.

- А вот печенка! Кому печенка? - кричал он, обходя дворы.

Мясник назначил за свой товар такую высокую цену, что бедняки не очень охотно его покупали, а продать дешевле Бахар не мог.

Бахар побелел, как бумага. Умоляюще поднял глаза на хозяина.

Но Мешади-Аббас был непреклонен:

- Если по кажешься здесь без денег, шкуру с тебя спущу!

Холодный воздух словно мечом резал тело. Улица была пустынна. Деревья трещали на невиданном в этих местах морозе. Щеки Бахара посинели, он яростно дышал на пальцы, пока не закружилась голова. Пальцы ног, вылезшие из разодранных чарухов, совсем закоченели. Он прыгал на месте с ноги на ногу.

Боязливо ступая, он опять подошел к лавке. Осторожно скрипнув дверью, заглянул внутрь. Заметив мальчика, хозяин кивнул своему сыну:

- А ну, посмотри, принес ли рубль?

Сын мясника загородил дверь:

- Принес рубль?

- Дядя Исфандиар! Бек!

- Если не принес, гони его вон! - крикнул с места Мешади-Аббас.

Дрожа всем телом, Бахар поднял на него умоляющие глаза. Мешади-Аббас был неумолим:

- Принесешь деньги, тогда посмотрим.

- Мешади-ага, когда найду брата, я у него возьму и верну, - взмолился Бахар.

Сын мясника стоял в дверях, переводя взгляд то на отца, то на мальчика. Ему было жаль Бахара.

Мясник поднялся с тахты и захлопнул дверь перед Бахаром.

Мальчик побрел по мостовой, прикладывая пальцы ко рту, чтобы согреть их, но согреться ему не удавалось; чувствуя, как в спину ему вонзаются иглы, он бросился в находившуюся неподалеку баню. В передней было холодно, зато, открывалась дверь из бани, его обдавало теплым воздухом.

Мотья плохо спасали его от мороза. В эти дни путешествия на окраину были для него пыткой. Иногда мальчику удавалось разжалобить какую-нибудь сердобольную хозяйку, и она пускала его погреться у очага, но сердобольные хозяйки попадались редко.

Когда он возвращался в лавку, не распродав товара, хозяин больно бил его. Бахар все терпел, потому что ему некуда было идти. Зима, нужда, одиночество це-

пями приковали его к этому месту. Кто мог сказать ему что-нибудь о брате, кто взялся бы сообщить о нем самом матери? Он ждал весны, ждал, когда потеплеет, чтобы, можно было пуститься в обратный путь, пройти босиком по теплым пыльным тропинкам до родного села, до родного дома, до матери. Это желание жило в нем как самая заветная мечта, с каждым днем все усиливалась. Он любил представлять себе, как он войдет во двор и, увидя мать, по-взрослому поздоровается, потом степенно обнимется с ней...

Сегодня на бедного Бахара обрушилась новая неожиданная беда. Он распродал товар, осталась только одна печенка. Он нес ее в руке, зазывая покупателей, неожиданно из подворотни выскочила собака, выхватила у него печенку и была такова.

Когда Бахар рассказал об этом Мешади-Аббасу, тот расхохотался.

- Поглядите на этого птенца, - сквозь смех проговорил он.

- Только вчера вылупившийся цыпленок хочет надуть взрослого мужчину. Я-то хорошо знаю, кто съел печенку! Двуногая собака. Щенок!.. Куда ты девал деньги? Говори правду! Проел?

Бахар ничего не понимал...

Хозяин обыскал карманы Бахара, заглянул ему за пазуху. Не найдя денег, Мешади-Аббас взял мальчика за шиворот и поволок к двери.

- Принесешь рубль, тогда поговорим.

Мимо Бахара проходили в баню люди со свертками и узелками под мышкой. Изловчившись, он юркнул в дверь. В бане было много народу. Одни одевались после купания, другие раздевались, третьи пили чай, курили кальян, брились; кто-то, раскрыв молитвенный коврик, совершал тут же намаз.

Бахар постоял не много в толпе, стараясь не попасться на глаза банщикам.

В углу, ближе к выходу, стоял самовар. Бахар шмыгнул в этот угол и прижался к стене. Тут было тепло и спокойно. Бахар наблюдал отсюда за входившими людьми, со страхом смотрел на подававшего чай мужчину в круглой тюбетейке и мечтал стать совсем маленьким, невидимым, или превратиться в уголек, чтобы его бросили в огонь, дали согреться.

Так прошло довольно много времени, но его уже заметил банщик: он ткнул Бахара щипцами в бок и крикнул:

- Эй, ты! А ну, вылезай отсюда!

Бахар молча вылез из-за самовара.

- Пошел вон!..

Услышав окрик банщика, посетители оглянулись на Бахара, который с опушенной головой шел к выходу.

- Повадились ходить сюда! - ворчал банщик. - С вечера забиваются куда-нибудь в угол, прячутся, а ночью тащат что попало.

Братья-мусульмане! Я разорился, покупая простыни!

Упитанный мужчина, любовно поглаживавший перед зеркалом выкрашенные хной пышные усы, поддержал банщика:

_ Таких надо хорошенько колотить, чтоб не повадно было!

Этих слов Бахар уже не слышал - он был в передней. Здесь мальчик остановился и прислушался. Никто за ним не гнался; обрадованный, он прижался в угол.

У сатый мужчина, выходя из бани, заметил Бахара, и накинулся на него:

- Вон наглец! Видно, пока не стянешь чего-нибудь, не уйдешь?

- У меня нет дома, - заплакал Бахар. - Я умираю от холода! Я не вор, дядя!

«Дядя» шагнул назад и, приоткрыв дверь, кликнул банщика:

- Кебле' Курбан! Этот плут здесь! Будь осторожен!

Когда Курбан, стуча деревянными башмаками, вышел в переднюю, Бахар стал его просить:

- Дядя, у меня нет дома ... Я замерзаю! Дай мне постоять здесь!

Ради Хазрат-Аббаса!

Банщик вытолкал Бахара на улицу:

- Убирайся отсюда! Да накажет тебя Хазрат-Аббас!

Бахар вдохнул резкого морозного воздуха и тотчас громко застонал. Порывистый ветер зашвырял его снегом. Поднялась метель. Стемнело.

Бахар хотел вернуться в баню, показать замерзшие пальцы, умолить. Но, может быть, лучше попросить своего хозяина, чем посторонних людей. Он сжалится, пустит в дом.

В снежном вихре мальчик метался, как сорванный с ветки листок.

С большим трудом добрел он до мясных рядов. Лавки были заперты, все вокруг занесено снегом. Мальчик не поверил своим глазам, ему показалось, что из-за снежного вихря он плохо видит, что хозяин не мог так рано запереть лавку, не мог уйти домой, не разыскав своего слугу.

«Он ведь Мешади, благочестивый и набожный человек! Он знает, что мне некуда идти, знает, что я сирота!..»

Бахар повернулся спиной к ветру, протер глаза и еще раз напряженно посмотрел на двери. На них висел большой замок. Заперты были и другие лавки. Бахар посмотрел в небо, и сердце его сильно, тревожно забилось. На землю спустилась ночь, зимняя ночь.

Он тронулся с места. Надо же куда-то идти!..

Объятый леденящим душу страхом, он спеши уйти из этих пустынных мясных рядов. Идти было трудно. Остро ныла от боли каждая жилка, гудело в ушах. Метель и тьма. Мальчику казалось, что глаза его закрыты непроницаемой пеленой, а к ногам подвешены тяжелые камни, которые мешают ему двигаться и прижимают ноги к острым ледяным колючкам. Порой его ноги обдавало теплом: видимо, это кровь сочилась из ран; мальчик садился на камень, осматривал ноги, но ничего в темноте не видел.

Еле добрел он до хозяйского дома. Робко постучался в калитку.

Внутри все было тихо. Закоченевшими скрюченными пальцами он

пошевелил дверную цепь. Со двора послышались шаги - скрипел снег, и в груди мальчика снова ожила надежда. Когда отворилась калитка, Бахар, словно заблудившийся и опять нашедший свой дом котенок, хотел проскочить внутрь, но в него полетели рваное

одеяльце его и палка, с которой он отправился из родного дома.
- Убирайся прочь! - крикнула жена мясника, и резкий ее голос перекрыл вой метели.
Бахар не поверил своим ушам.
- Куда мне идти в такую метель? Ты же знаешь, ханум, у меня здесь никого нет.
Бахар ухватился за дверную цепь, чтобы еще и еще просить, умолять.
- Ханум, хан...
Но хозяйка захлопнула калитку с такой силой, точно никогда больше не намеревалась открывать ее.
По пустынной улице, среди воя ветра, утопая по колена в снегу, едва подавляя страх, мальчик поплелся обратно к базару.
Ощупью, натыкаясь на стены домов, пробирался он вперед в надежде найти спасение. Так он дошел до окраины, где сходились четыре дороги.
Впереди послышался какой-то шум. Он испугал и ободрил Бахара.
Мальчик хотел броситься в ту сторону, но не мог передвинуть ноги. Решил чуточку отдохнуть, набраться сил.
Как легко дышится в этой снежной постели! Бахару показалось, что его закутали в одеяло, в такое одея-

ло, что теплее бани, мягче ваты. Бахар чувствовал, как он постепенно отделяется от внешнего мира, от темноты и страха, от снега и метели Он чувствовал, как успокаивается его тело под этим волшебным одеялом.

...Весна. Бурно мчит свои воды горный поток. Сельские ребята рассыпались по берегу и смотрят на мутные волны. Вдруг Ага-Меджид сталкивает его прямо в воду. Вода доходит ему до щиколоток, потом поднимается до колен, достигает груди. Бахар кричит о помощи.

Проклиная Ага-Меджида, бежит его мать. Она протягивает руки, чтобы вытащить Бахара из воды, но не может достать. Волны уносят его, укачивая, как в люльке.

Мать бросается за ним, и оба они плывут в мутной воде. Но вот вода заливает ему лицо, наполняет рот, и он уже не может кричать...

Бахар вздрогнул.

Перед его взором возникли уютные комнаты. В них так тепло и печи так горячи. Ему захотелось подойти ближе к одному из этих источников тепла и света, но кто-то шепнул ему на ухо, что это чужие комнаты, чужие печи!..

Бахар с трудом поднял отяжелевшие веки. Ветер трепал дым, выходивший из труб. Мягкий свет струился из окон. Но все это чужое, все это кому-то принадлежало, было чье-то. Ничьим здесь было лишь одно существо, ничьими были еще эти пустынные улицы, по которым гуляла метель.

Что-то потрясло Бахара, и он хотел шевельнуться, но не смог.

«Это же не одеяло... Это вода! Я плыву. Но кто сжимает меня? Где мои ноги? Что я делаю посреди поля?»

Бахар попытался поднять руку, чтобы сбросить с лица отяжелевшее одеяло... Но там, где должна находиться рука, было что-то чужое, тяжелое.

Вдруг он вспомнил о бумаге, лежавшей в кармане, и его охватила тревога.

Он хотел нащупать ее за пазухой, но рук у него нет. Он не мог пошевельнуться - тело его как будто прибито гвоздями.

- Мама! Ма-ма!..

В этом безмолвном крике была спокойная уверенность ребенка, проснувшегося глубокой ночью. Услышав этот зов, мать взволнованно подбегает к постели:

«Что, мой родной?»

Она заботливо поправляет подушку, про водит рукой по одеялу, и успокоенный материнской лаской ребенок снова засыпает, и ему снятся золотые сны детства.

На долю Бахара этого не выпало. Он увидел себя в страшной белой пустыне, и им овладел ужас.

- Ма-а-ма-а!..

Полное одиночество! Ни звука в ответ, лишь метель выла голодной волчицей, и в темноте сверкали ее белые острые зубы.

- Ма-а-ма-а!..

Всю свою злую, губительную силу собрал мороз, чтобы подавить остатки жизни, еще теплившейся в тельце невинного ребенка.

Острыми иглами колол мороз, неустанно кружился в воздухе снег.

Эй, метель! Эй, мороз! Что вы беснуетесь? Что вы злитесь и выбиваетесь из сил? Уничтожить подобное Бахару маленькое существо в таком месте, в такое время и в таком мире, право же, не так трудно. Для этого достаточно одного слова безвестного мясника.

Настало утро. Метель унялась. Все было на своем месте, все шло заведенным порядком.

Хозяева покидали свои жарко натопленные дома. Закутавшись в хорасанские тулупы, натянув шерстя-

ные чулки, надев калоши, важно, с именем аллаха на устах, они отправлялись в свои лавки и магазины, затягиваясь дымом первой после завтрака папиросы.

Арбы, нагруженные мясом, возвращались с бойни.

Открылись лавки. Мешади-Аббас, засучив рукава, рубил жирные бараньи туши. Он весело поглядывал на толпившихся у лавки покупателей и сыпал прибаутками:

- А вот разрубим тушу, порадуем душу! .. Сладка да нежна грудинка, не жалей десятки с полтинкой! Кому лопатка, кому курдючок, - есть на суп, есть на шашлычок!

Мешади распевал, гремел весами, наполняя корзины покупателей жирным мясом.

Жизнь со всеми ее ужасами и восторгами, жизнь - для одних мать, для других мачеха, продолжала свое течение. Все было как вчера. Не было только маленького бездомного мальчика. Едва распустившаяся весна была смята лютой жизнью. Одиноко темнела на снегу старенькая, рваная шапка Бахара, никому не нужная, как и ее хозяин.

Очищая рельсы конки от снега, рабочие нашли детский труп.

Обледеневшие волосы прилипли ко лбу. Лицо покрыто толстым слоем снега. Руки скрещены на груди и засунуты под мышки.

Мальчика похоронили на иранском кладбище, отведенном для бездомных бедняков. Найденную в кармане бумажку рабочие отдали могильщику: вдруг кто-нибудь спросит? Из этой бумажки было видно, что у мальчика имелись близкие.

в эту самую ночь в приземистой нищей сакле, опустившись на колени и воздев руки к небу, вкладывая в свою мольбу всю душу, наивную веру и страстную надежду, молилась Сона, еще молодая, но уже поседевшая мать.

- Господи! Детей моих - все мое достояние и надежду - вручаю тебе. Сохрани их, боже! Ты чуток к молитвам матери. Пощади мою седую голову! Отведи от детей моих небесные и земные кары, продли жизнь их!..

Небесные кары! Ничем не могли небеса повредить сыновьям Соны. Какие там небесные кары?! Но земные беды, созданные одними людьми и обращенные против других людей, беспощадно давили, губили тружеников, таких, как Бахар.

Дети Соны выросли в деревне, на лоне природы, в горах и долинах, где нередко попадаются дикие зве-

ри и даже змеи: они выросли достаточно закаленными, но все же были бессильны против земных бедствий, против бессовестных и жестоких писаных законов и неписаных беззаконий, которые совершались открыто на каждом шагу; бессильны они были потому, что презрение ханов, гнев беков, кулаки сельских толстосумов, плети мусаватских пашей и офицеров, пули полицейских, смертные приговоры духовных владык, алчность купцов - все это было направлено против бедняков, против таких, как Бахар.

Здесь господствовала голая сила, сила денег и власти.

Нельзя сказать, чтобы Сона не понимала этой горькой истины. Но других средств защиты, или, вернее, самоутешения, кроме молитвы, у нее не было. Горе смяло ее в комок. В эти тяжелые дни ни один человек не открыл двери в ее саклю, не спросил о ее самочувствии, не сказал ей слова утешения.

И старика Мовлана не было в деревни. То ли по делу Мардана, то ли по другому делу он был вызван из села.

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti”. YYSİB-nin kulturoloji layihəsi

Azərbaycan Respublikası Gənclər Fondunun qrant müsabiqəsi çərçivəsində maliyyələşdirdiyi, Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi oktyabırın ortalarından “Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" adlı növbəti maraqlı kulturoloji layhəsini həyata keçirilir.

Layihə gənclərin vətənpərvərlik tərbiyəsi işinin gücləndirilməsi, Azərbaycan dilinin, tarixinin,

mədəniyyət və incəsənətinin təbliğinə xidmət edən intellektual oyunların, müsabiqələrin, olimpiadaların, festivalların keçirilməsi və animasiya və bədii filmlərin (sosial çarxların) hazırlanması mövzusundadır. Layihə görkəmli yazıçı, dəyərli alim və pedaqoq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri vasitəsilə dünyanın müxtəlif ölkələrinə səpələnmiş 55 milyonluq azərbaycanlılar, xüsusən uşaq, yeniyetmə və gənc soydaşlarımız - kreati-intellektual düşüncə sahibləri arasında tarixi vətənləri olan Azərbaycana sevgi və sayğını artırmaq məqsədilə innovativ-vətənpərvərlik aksiyaları özündə cəmləyir. İnternet resurslarından - sosial şəbəkələr, yeni media orqanları, videopaylaşım platformalarının imkanlarından yararlanaraq, elektron-virtual formada Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri ilə motivasiya formasında yeni nəsil arasında vətənpərvərlik tərbiyəsi işi gücləndirilməsinə yönəldilir. Bunun üçün respublikamızın bir sıra yerlərində, eləcə də xaricdə yaşayan diasporumuzun görkəmli simaları, gənc bloqqerlər, şəbəkə istifadəçiləri, tanınmışlar və sadə oxucular tərəfindən əsərin audio-vizual formatda, oxucular tərəfindən səsləndirməklə, video çəkiliş aparmağı, film formasında hazırlanması və İnternetdə yayımının təşkili, kitabın bir sıra dillərdə tərcümə variantının elektron formada şəbəkə resursları və e-kitabxanaya hazırlanması, həmçinin, yayımı, o əsər haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, müəllifin aforizmlərindən ibarət kitabın çapı, yayımı, təqdimatı, sosial şəbəkələrdə təbliğatı nəzərdə tutulur. Kitabdan

parçalar oxuyanlarda Azərbaycançılıq, vətənpərvərlik, milli-mənəvi dəyərlərimizə maraq artacaq.

Görkəmli yazıçı, dəyərli alim və pedaqoq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron variantda hazırlanaraq gənclərə çatdırılması, həm də yeni media və sosial şəbəkələrdə layihəyə İKT dəstəyi verilməsi üçün kreativ innovasiyalar yaratmaq.

Əsas məqsəd Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindəki vətənpərvərlik intonasiyanı gənclərimizi innovativ-kreativ birləşdirən bütöv milli-mənəvi kitab kimi motivasiya formasında təbliğ etməkdir. Gənclərin yeni İKT texnologiyaları, Feysbuk, Youtube, İnstagram, Tvviter, TikTok, həmçinin, Vatsap kimi plotformalarından yararlandığını nəzərə alaraq bu əsərin səsli və görüntülü formasını (audio-video format), eləcə də elektron variantda yayıma hazırlamaqla İnteretdə trend yaratmaq mümkündür.

Layihə icraçıları aşağıdakı vəzifələri qarşılarına məqsəd kimi qoyublar:

Azərbaycan ədəbiyyatını vətənpərvərlik nümunəsi olaraq gənclərə sevdirmək.

Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindəki vətənpərvərlik ruhunu yeni formalarla 55 milyonluq diasporumuzun yeni nəsil nümayəndələrinə çatırmaq.

İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi istifadə edərək motivasiya kim yeni nəsilə aşılamaq. Mir Cəlal

Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərini müxtəlif şəxslər tərəfindən səsli - audio kitab formasında hazırlamaq və bu yönə gəncləri həvəsləndirmək.

Müxtəlif insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərinin parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - video film formasında hazırlamaq və bu yönə gənclərin imkanlarından bəhrələnmək.

Yazıçı-alimin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, yaymaq.

Ədibin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik ruhda böyüməsindəki rolu haqqında tədbir təşkil etmək. Müəllifin aforizmlərindən ibarət kitabçanın çapı, yayımı, təqdimatı, sosial şəbəkələrdə təbliğatı nəzərdə tutulur.

Layihənin fəaliyyət mərhələləri:

1. Azərbaycan ədəbiyyatını vətənpərvərlik nümunəsi olaraq gənclərə sevdirmək məqsədilə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərin vətənpərvərlik ruhunu yeni formatlarda 55 milyonluq dünya azərbaycanlılarına, xüsusən də yeni nəsil nümayəndələrinə çatırmaq üçün aşağıdakı formalarda nəşrə / yayıma hazırlamaq:
- Səsli - audio kitab formasında: "Bir gəncin manifesti" əsərin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası hazırlamaq və geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq.

- Görüntülü - vizual kitab formasında: "Bir gəncin manifesti" əsərinin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası videoya almaq, yayıma hazırlamaq, İnternetdə və sosial şəbəkələrdə, videopaylaşım portallarında yerləşdirmək, Ümumazərbaycan milli-mənəvi dəyər kimi dünyada yaşayan 55 milyonluq soydaşlarımıza, geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq.

2. Elektron kitab: imkan daxilində müxtəlif dillərdə "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron formatda hazırlamaq, e-kitabxanalarda, İnternet resurslarında yerləşdirməklə Mir Cəlal Paşayev yaradıcılığını və Azərbaycan ədəbiyyatını populyarlaşdırmaq.

3. Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-almanax hazırlayıb e-kitabxanada yerləşdimək, yaymaq, sosial şəbəkələrdə təbliğatı.

5. İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi tanıtmaqla bu istiqamətdə motivasiya məhsulu kim yeni nəslə aşılamaq, bu yöndə gəncləri həvəsləndirmək.

6. Sosial şəbəkələrdə - İnternetdə yeni mütaliə və virtual-kreativ aksiyaya başlanılacaq, müxtəlif gənc insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - videofilm formasında hazırlan məhsul vasitəsilə sosial şəbəkələrdə vətənpərvərlik hərəkatı kimi gənclərin imkanları səfərbər ediləcək.

7. Mir Cəlal Paşayevin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik

ruhda böyüməsindəki rolu haqqında real/virtual tədbir həyata keçirmək.
8. İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlərin qurulması.

Layihənin yetərincə təbiği və ictimaiyyətə çatdırılması işi düzgün işlənmiş media-plan vasitəsilə gerçəkləşdiriləcəkdir. Virtual aksiyaların təşkili, İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlərin qurulmasına xüsusi diqqət ayrılacaqdır. Fəaliyyətlər zamanı layihənin təqdimatına və təbliğinə xüsusi önəm veriləcəkdir: istər ölkə daxilində, istərsə də dünyada əngəlli gənclərin kreativ-kulturoloji potensialının, ədəbi resurslarının geniş yayılmasına səbəb olacaq. Televiziyada və mətbuatda («525-ci qəzet», "Təzadlar", "Bakı-xəbər" kimi ölkənin nüfuzlu mətbu orqanlarında, Space TV, "Dünya" TV, İNK TV kimi televiziya kanallarında və digər KİV-də, İnternet saytlarında), müxtəlif sosial şəbəkə və foto-videoideo paylaşım platformalarında layihə, virtual mərkəz, e-kitab və rəqəmsal nəşrlər, elektron kitabxanadakı ayrıca bölüm haqqında rəylər, fikirlər, məqalələr çap olunacaq, müzakirə xarakterli reportaj və süjetlər hazırlanacaqdır.

Layihənin nəticələri:

1. Vətənpərvərlik nümunəsi olaraq Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri fərqli, İKT texnologiyalarına uyğun olaraq yeni formatlarda 55 milyonluq dünya azərbaycanlılarına, xüsusən də yeni nəsil nümayəndələrinə, gənclərə çatırmaq üçün aşağıdakı formalarda nəşri və yayımı təşkil olunacaq.

2. "Bir gəncin manifesti" əsərinin bəzi hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası hazırlamaq və geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırmaq üçün yeni səsli - audio kitab hazırlanacaq.

3. "Bir gəncin manifesti" əsərinin maraqlı hissələri müxtəlif şəxslər tərəfindən parçalarla ifası videoya alınacaq, yayıma hazırlanaraq İnternetdə və sosial şəbəkələrdə, videopaylaşım portallarında yerləşdiriləcək, ümumazərbaycan milli-mənəvi dəyər kimi dünyada yaşayan 55 milyonluq soydaşlarımıza, geniş ictimaiyyətə, eləcə də əngəlli gənclərə çatdırılacaq görüntülü - vizual kitab, bədii-sənədli videofilm hazırlanacaq.

4. Müxtəlif dillərdə "Bir gəncin manifesti" əsərinin elektron kitab formasında hazırlanacaq, e-kitabxanalarda, İnternet resurslarında yerləşdiriləcək, Mir Cəlal Paşayevin yaradıcılığı və Azərbaycan ədəbiyyatı gənclər arasında populyarlaşdırılacaq.

5. Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri haqqında yazılan filoloji materiallardan ibarət e-

almanax hazırlanacaq, e-kitabxanada yerləşdirilərək, gənclərin azad istifadəsi üçün yayılacaq.

6. Müəllifin aforizmlərindən ibarət cib kitabı formasında toplunun çap ediləcək, gənclərə, tələbələrə paylanacaq, e-variantı İnternetdə və e-kitabxanada sərbəst yayım üçün yerləşdiriləcək, geniş ictimaiyyət üçün təqdimatı, sosial şəbəkələrdə güclü təbliğatı aparılacaq.

8. İnternetdə Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsərindən vətənpərvərlik trendi kimi tanıtmaq və bu istiqamətdə motivasiya modeli kimi yeni nəslə aşılanacaq, bu yöndə gəncləri həvəsləndiriləcək.

9. Sosial şəbəkələrdə - İnternetdə yeni mütalifə və virtual-kreativ aksiyaya başlanılacaq, müxtəlif gənc insanlar tərəfindən Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti" əsəri parça-parça mütaliəsini təşkil etməklə vizual kitab - videofilm formasında hazırlan məhsul vasitəsilə sosial şəbəkələrdə vətənpərvərlik hərəkatı kimi gənclərin imkanları səfərbər ediləcək.

10. Mir Cəlal Paşayevin həyat və yaradıcılığı, "Bir gəncin manifesti" əsərinin gənclərin vətənpərvərlik ruhda böyüməsindəki rolu haqqında real tədbir təşkil olunacaq.

11. İnternet, Feysbuk, Tvviter və Youtube və b. şəbəkələrdə bu istiqamətdə fəaliyyətlərin dəstəklənmək, ayrıca sosial şəbəkə resursunun yaradılması, gənclərin, yeniyetmələrin, məktəblilərin intellektual səviyyəsini yüksəltmək üçün fəaliyyətlər qurulacaq.

Layihənin qiymətləndirilməsi:

Müvafiq qanunvericilik aktları, qanunlar, normativ sənədlər, eyni zamanda Azərbaycan Gənclər Fondunun tələblərinə uyğun olaraq qiymətləndirmə indikatorları müəyyənləşdiriləcək və ona uyğun olaraq qiymətləndirmə aparılacaq. Xüsusən də aşağıdakı cəhətlərə əhəmiyyət veriləcək:

- tərəfdaş və əlavə donorlar haqqında məlumat;

- layihə çərçivəsində fəaliyyət haqqında Fondun əvvəlcədən məlumatlandırılması;

-layihə çərçivəsində fəaliyyət zamanı Fondun adının və loqosunun nümayiş olunması;

- layihə sənədlərinin uyğun strukturu; layihə üzrə əmrlər;

- layihədə çalışan işçilərin sayı, işçilərlə bağlanmış əmək, mülki-hüquqi xarakterli və könüllü müqavilə;

- layihənin iştirakçılarının sayı;

- layihə çərçivəsində tədbirə dəvət olunmuş şəxslərin sayı və tərkibi;

- layihə ilə bağlı ictimaiyyətin məlumatlandırılması;

- layihə çərçivəsindətanıtım materialları, gündəlik və proqramlar;

- nəşr – paylama materiallarının (e-kitab, vizual məhsullar, sosial media və İnternet TV proqramları və s.) iştirakçılara verilməsi;

-layihə çərçivəsində xidmətlər; layihə fəaliyyətinin icra planına uyğunluğu, işlərin yerinə yetirilib-yetirilməməsinin müəyyən edilməsi;

- tədbir zamanı qoyulan mövzunun layihə mövzusuna uyğunluğu;

- layihə çərçivəsində iştirakçılarla qiymətləndirmə işinin aparılması.

- mütəxəssislər tərəfindən bu layihənin həm peşəkar dairələri, həm geniş ictimaiyyət tərəfdən müzakirəsi, mətbuatda işıqlandırılmasına şərait yaradılacaq;

- layihənin iştirakçılarının sayı;

- layihə çərçivəsində tədbirə dəvət olunmuş şəxslərin sayı və tərkibi;

- layihə ilə bağlı ictimaiyyətin məlumatlandırılması;

- layihə çərçivəsindətanıtım materialları, gündəlik və proqramlar;

- nəşr – paylama materiallarının (e-kitab, vizual məhsullar, sosial media və İnternet TV proqramları və s.) iştirakçılara verilməsi;

-layihə çərçivəsində xidmətlər; layihə fəaliyyətinin icra planına uyğunluğu, işlərin yerinə yetirilib-yetirilməməsinin müəyyən edilməsi;

- tədbir zamanı qoyulan mövzunun layihə mövzusuna uyğunluğu;

- layihə çərçivəsində iştirakçılarla qiymətləndirmə işinin aparılması.

Layihənin davamlılığının təmin edilməsi istiqamətində nəzərdə tutulan fəaliyyətlər:

Layihə uğurla yekunlaşdırılandan sonra da fəaliyyətlər davam etdirilərək aşağıdakı istiqamətdə işlər həyata keçiriləcək:

- Davamlı olaraq o istiqamətdə İnternetüstü fəaliyyətlər daha da genişləndiriləcək və ardıcıl işlər görüləcək;

- Yaradılacaq sosial şəbəkə resurslarında yenə də bu mövzuda müxtəlif materiallar paylaşılacaq;

- İnternetdə, elektron kitabxanada, sosial mediada yeni formatlarda, vətənpərvərlik mövzusunda elektron kitablar, rəqəmsal nəşrlər, eləcə də yeni kreativ materiallar sosial şəbəkələrdə onlayn-oflayn yayımlanacaq, daimi fəaliyyət göstərəcəkdir;

- Elektron kitablardan ibarət virtual sərgi ardıcıl təşkil olunacaqdır.

- Mütəxəssislər tərəfindən bu layihənin həm peşəkar dairələri, həm geniş ictimaiyyət tərəfdən müzakirəsi, mətbuatda işıqlandırılmasına şərait yaradılacaq;

- Gələcəkdə Mircəlalşünaslıq və vətənpərvərlik ədəbiyyatının müxtəlif qollarına aid sahə elektron kitabxanaları, eləcə də şəbəkə nəşrlərini özündə birləşdirəcək resurslar yaradılacaq;

- Milli Virtual-Elektron Kitabxana daha da genişləndiriləcək, eyni zamanda ölkəmizin daxilində və xaricdəki anoloji İnternet kitabxanaların şəbəkəsinə

qoşulması, qarşılıqlı-faydalı əməkdaşlığa xüsusi əhəmiyyət veriləcəkdir;

- Layihənin növbəti mərhələsi hazırlanaraq donor təşkilatlara təqdim olunacaq və s.

Xatırlatmaq yerinə düşər ki, YYSİB milli və dünya mədəniyyəti, elm və ədəbiyyati hadisələrinin təbliği, real, eyni zamanda məsafəli - elektron təlim və kursların təşkili, Azərbaycan intellektual sərvətlərini, ədəbiyyatını, mədəniyyətini inkişaf etdirmək, zənginləşdirmək, xaricdə tanıtmaq, İnternet resursları, elektron kitabxana istiqamətində yeni nəsil yaradıcı insanları səfərbər etmək və s. sahələrdə fəaliyyətini qurub.

Təşkilat 22 ildir respublika əhəmiyyətli və beynəlxalq səviyyəli mədəniyyət, elm, ədəbiyyat, sənət, kitab nəşri və təbliği, qəzetçilik, yeni mass-media, bloqqerlik, e-kitabxana və İnternet resurslarının zənginləşdirilməsi kimi sahələrldə fəaliyyəti ilə məşğul olur. 13 dəfə Bakı Kitab Bayramı – illik Milli Kulturoloji layihə həyata keçirib, 12 kitab nəşr etmiş, çoxsaylı mətbuat-ədəbiyyat layihələri həyata keçirmişdir. Hazırda İnternetdə və ictimai düşüncədə "Virtual Azərbaycan" layihəsini gerçəkləşdirir. Qurumun dəyərli layihəsi əsasında www.kitabxana.net ünvanlı Milli Virtual-Elektron Kitabxana - İnternet portalı yaradılıb və fəaliyyət göstərir. İnternetdə və sosial şəbəkələrdə 20-yə yaxın resursları fəaliyyət göstərir. İndiyəcən bir neçə virtual e-kurs yaradıb və 3000-dən artıq elektron kitabı hazırlayaraq İnternet istifadəçilərinin azad istifadəsinə təqdim edilib.

Təşkilatın fəaliyyəti milli, eləcə də dünya mədəniyyətini və ədəbiyyatını həm ölkə daxilində, həm də xaricdə təbliğ etmək, yeni nəsil yaradıcı insanların əqli-intellektual, sosial və müəlliflik hüquqlarının qorunması istiqamətində fəaliyyət göstərmək, sənət adamlarının yaradıcılığını cəmiyyətə tanıtmaq, çağdaş mədəniyyəti və ədəbiyyatı inkişaf etdirməklə milli kulturoloji-intellektual düşüncənin zənginləşməsinə yardımçı olmaq, mədəniyyətlərarası dialoqu, sivilizasiyaların inteqrasiyanı gücləndirməklə qloballaşan dünyada Azərbaycanın inkişafına, estetik-bədii irsini yüksək səviyyəyə çatdırmaqdır. QHT fəaliyyət istiqamətlərinə uyğun olaraq ədəbi-mədəni, kulturoloji hadisələr gerçəkləşdirir, hüquqi-mədəni maariçilik, gənc yaradcı insanlarin ictimai maraqlarını ifadə edir, mədəniyyətlə, ədəbiyyat, İnternet, sosial şəbəkələr, virtual resurslar, elektron kitabxanalar, kreativ innovasiyalarla bağlı kulturoloji layihələri hazırlayır və uğurla həyata keçirir, qarşısına qoyduğu məqsədlərə çatmağa çalışır.

www.kitabxana.net

Milli Virtual-Elektron Kitabxananın təqdimatında

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihəs kulturoloji layihə. Elektron Kitablar…

Bu elektron kitablar Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondunun maliyyə dəstəyi ilə (2020-ci il maliyyə yardımı müsabiqəsi), Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi tərəfindən həyata keçirilən, www.kitabxana.net - Milli Virtual-Elektron Kitabxananın “Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihəs çərçivəsində nəşrə hazırlanıb və yayılır.

Kreativ-bədii layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurumlar:

Azərbaycan Respublikasının Gənclər Fondu

http://youthfoundation.az

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi:

www.yysq.kitabxana.net

Bu silsilədən olan digər digər e-kitablarını buradan oxuyun:
http://kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=192

www.kitabxana.net və YYSİB-nin müştərək nəşri

“Bizi innovativ-kreativ birləşdirən kitab: Mir Cəlal Paşayevin "Bir gəncin manifesti” adlı kulturoloji layihə çərçivəsində hazırlanan Feysbukda səhifəmizi və virtual kursu buradan izləyin:

https://www.facebook.com/YeniYazarlar

Aydın Xan Əbilov,

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyinin sədri,

Prezident təqaüdçüsü, yazıçı-kulturoloq